Т. М.

Изъ воспоминаній русской революціонерки.

GALLIA

DÉPOSÉ

1908

Парижъ. 1908.

Изъ воспоминаній русской революціонерки. 1.

1.

Меня попросили написать о томъ, как я стала революціонеркой.

В моемъ разсказѣ вы едвали сумѣете найти какой-либо порядокъ в умственномъ моем развитіи: его не было.

Сама жизнь толкнула меня в ряды борцовъ, а память о нихъ всегда была моим святилищем...

Я стала простымъ работникомъ, и все.

Началось это так: я выросла в семьѣ крестьянъ; кругом меня были крестьяне; я любила и люблю их, и жила с ними жизнь. Когда я кончила сельскую школу, отец мой отдал меня (и брата) в гимназію, в город. Через три года отец внезапно умер. Мама совсѣм растерялась. Работы было ей много; нам она дала полную свободу; мы с братом исполняли только домашнія работы: доили коров, помогали сготовить обѣды и торговать в лавкѣ.

Отец мой не разставался с книгой цѣлыми днями, а иногда и в кровати

засыпал с ней. Я, очевидно, унаследовала от него эту привычку и читала все, что попадется под руку. Была у меня знакомая (через отца) семья, где жили студент и барышня, умные и развитые. Оба часто спорили с моим отцем: о чем и из-за чего, — я не знаю.[1])

2.

Я — в третьем классѣ. Началась весна: надо готовиться к экзаменам. Тѣм временем подошла и Пасха. В деревнѣ все весело и живо. Молодежь вся на улицѣ: живет и веселится во-всю, пока нѣт полевых работ; а как начнутся онѣ, тогда с зорькой рано — в поле, и поздним вечером домой: не до веселья будет.....

В городѣ у меня уже были и свои знакомства, но бывать я там не любила. На Пасху я отправилась в город поздравить своих знакомых с праздником. Один молодой человѣк подошел ко мнѣ и стал меня спрашивать, знаю ли я кого-нибудь из сосѣдних сел. Я удивилась этому вопросу:

„Конечно, - отвѣтила, - многихъ знаю; но если кого и не знаю, так там легко разыскать кого угодно". Тогда он попросил меня передать одному крестьянину небольшой сверток. Я взяла и сказала, что завтра ~~он~~ передам. Пришла я домой, переодѣлась, позвала с собой одну подругу, и мы отправились тотчас же в сосѣднее село. Там я нашла нужнаго крестьянина и отдала ему сверток. Он пошел даже нас провожать; разсказывал, как у них проводят праздник, и пригласил меня к ним на ярмарку: ~~сказал~~ „скоро, - говорит, - будет"!. Это было в концѣ апрѣля. Вдруг, в первых числах мая, на зарѣ, пожаловали жандармы, окружили весь дом, обшарили всѣ углы, перепугали бѣдную маму до смерти и уѣхали, ничего ей толком не сказав. „Ничего противозаконнаго не было найдено", — так значилось в протоколѣ. Да и не мудрено: мнѣ тогда было только 14 лѣт. Меня во время обыска даже и дома не было: я гостила у подруги. Утром я заявилась домой. Иду по саду, как ни в чем не

4

6

бывало. „Что,—думаю,—за история?. Народ на меня, как на чучело, смотрит?...
Прихожу домой, вижу—мать растерянная, вся в слезах....
—„Что с тобой, родная?"
—„Обыск... жандармы," лепетала она, обвив мою шею руками.. Боже мой!..
Мнѣ страшно стало за маму; она только начинала успокаиваться, и вдруг—опять горе... Кое-как успокоив ее, я пошла в свой любимый угол сада и стала размышлять, зачѣм бы я нужна была жандармам?.. не знаю... Думала, думала, да и махнула рукой. На другой день пошла в гимназию, но меня уже на дорогѣ предупредили, чтобы я скорѣй брала бумаги у начальницы и попросила отложить мнѣ экзамены на август. Дѣлать было нечего. Пошел хлопотать один студент. Мнѣ выдала начальница бумаги и тихонько сказала: „Вам так лучше будет; а то бы вѣдь все равно исключили"...
Так было кончено мое ученіе в гимназіи.

3.

Лето, два мѣсяца, провела я хорошо, в пол-
ном невѣдении о том, зачѣм я нужна
была жандармам; ну, а потом и совсем за-
былась, и думала только о том, как бы мнѣ
не провалиться на экзаменѣ. „Для мамы
это будет плохо!"... ~~Вдруг в августѣ пріѣхал~~
Вдруг, въ августѣ пріѣхалъ
урядник и привез повѣстку: пожалуйте
на допрос. Иду я. За себя покойна, но
боюсь за мать, и ничего не сказала
ей...

Большая канцелярія завалена книга-
ми: все законы для острастки невѣжд.
Я вошла. Меня посадили. Сначала
стали говорить, что я — такая малень-
кая еще, а вот, — мол, — какими дѣлами
занимаюсь. Я молчала.. Потом говорят:
„Вѣдь вы с матерью-то что дѣлаете?"..
Этого было довольно, чтобы меня вскипятить:
Я вспыхнула и готова была начать биться
головой об стѣну.. Я с матерью что дѣлаю?..
Да я ее люблю, и никогда я ей не смѣла
даже отвѣтить отрывисто...

Когда я шла к жандармам, то мнѣ

строго наказали ничего там не говорить, что бы они ни спрашивали. Дошла я в этом до смешного: отвечаю на все, „не знаю да, не знаю". Тогда меня просят хоть записать, что я говорю. Я боюсь. Но, наконец, им удалось убедить меня. Я пишу: „та кого-то не знаю; „об этом и не слыхала" и т. д. Отпустили меня домой. Но поз

— опять к жандармам, на очную ставку в деревню, с крестьянином, которому я отдала пакет. Он (как это оказалось) ~~сказал на~~ меня, что ~~[illegible]~~ прокламации принесла я... ~~(как это оказалось)~~

И началась с этого дня для меня мука. Экзамены, конечно, рухнули, ибо в день экзаменов я была у жандармов, и мен уже обвиняли, как политическую преступницу....

4.

Прошла беспокойная зима. Мне уже не позволили жить в деревне. Я живу в городе, вместе с мамой, которая переехала туда же по делам: у нея здесь был свой дом. Тоска, слезы; и какой-то внутренний червь поселился и гложет меня.

Но, с весной я как бы проснулась и надумала заниматься. Хотѣла я экстерном держать экзамен на учительницу.

Вдруг, в маѣ все сдѣлали обыск в городѣ. Пріѣхали в 8 часов утра, а к 10^ти^ пригласили меня придти в жандармское отдѣленіе. Пошла я, и назад уже не вернулась: меня повезли в тюрьму. Ничего у меня найдено не было; допрос был самый поверхностный. В этот раз меня стали обвинять в том, что я вмѣстѣ с другими разбрасывала по городу прокламаціи. Но я на самом дѣлѣ не знала даже, были ли онѣ дѣйствительно разбросаны, а не только что участвовать.

Пріѣхала/од в тюрьму с жандармом. Я ходила еще тогда в коротком платьицѣ. Привели меня в контору тюрьмы, записали что-то в книгу, спросили о чем-то, не помню теперь о чем....
Комната канцеляріи — мрачная, сводчатая и с/съ громадным ~~рѣшет...~~ рѣшетчатым окном. Из канцеляріи меня

повели в камеру. Ах, эта камера!.. На всю жизнь оставила ты память о себѣ; и теперь пишу я, вся дрожа, и руки холодѣют... Казалось бы, пора позабыть что-ли, еще было потом?.. но нѣт...
Громадная камера. В ней помѣщают сорок, а иногда и больше женщин, а меня посадили одну. ~~Скрипнула~~
Скрипнула дверь; щелкнул замок, и — я одна, среди грязи... (Камер таких теперь, кажется, для политических одиночек уже не существует: я, по крайней мѣрѣ, ничего подобнаго больше уже не встрѣчала). На громадных нарах лежит соломенный тюфяк, и это — все, если не считать маленькаго переноснаго столика. Два больших окна, с ржавчатыми рѣшетками и прокопченными стеклами. На подоконниках этих окон я могла свободно стоять, за что, однако, мнѣ не раз доставалось. Столик был ниже нар. Окна до половины были забиты еще досками, чтобы из камеры

нельзя было видѣть, что дѣлается во дворѣ. (камера была в нижнем этажѣ). При открываніи окна, рамы упирались в эти доски, образуя что-то в родѣ темного четыреугольнаго ящика... Грязь в камерѣ была прямо невѣроятная... Чего я только не видѣла там?. Клопы, блохи, тараканы, пауки и мокрицы; крысы и мыши; и множество каких-то еще совершенно невѣдомых мнѣ существ оказались моими товарищами по заключенію. Когда я впервое же утро поставила на столик горшок с молоком, присланный мнѣ матерью, то через час-два молоко было сплошь переполнено всевозможными насѣкомыми, так что его нельзя было пить...
Когда наставала тишина, то всѣ мои товарищи выползали на свѣт и смѣло распоряжались камерой...
Но нѣт!.. Вы не можете себѣ представить, что это было... Только русскіе революціонеры могут себѣ ярко и живо нарисовать

эту картину... Войдя в камеру я сперва стояла как истукан. Я непонимала еще своей участи. Потом вдруг разрыдалась и не помню, что было дальше. Впослѣдствіи мнѣ разсказывали уголовныя, что начальство приходило ко мнѣ ночью и все слушало, что я буду говорить... А я только стонала и все хотѣла уйти вон...

Так было в теченіе всей недѣли: я плакала, рвалась вон и совсѣм перестала спать: только под утро засыпала. Но и у жандармов, видно, совѣсть заговорила: они дали мнѣ через три дня свиданье. По каким статьям ли закона сдѣлали они это?.. Или из состраданія ко мнѣ, как к политической преступницѣ?... Нѣт, тысячу раз нѣт!.. Им было стыдно: они взяли ребенка и бросили его в тюрьму. Вѣдь они, все-таки, ~~среди~~ живут среди общества, ну, совѣсть и проснулась... Теперь

Этого не ждите: что-ли еще бывает у нас?...

§ 5.

На свиданіе пришла мама со знакомой и брат. Принесли мнѣ много конфект (это была моя слабость), но и конфекты в этот раз не порадовали: я ~~взяла~~ взглянула на мать, — она вся дрожала; глаза у нея покраснели — как видно, от слез; особенно она совсем не могла говорить..... Брат тоже волновался... говорила только ~~одна~~ знакомая дама: она успѣла шепнуть мнѣ, что жандармы обѣщали меня выпустить за тысячу рублей и с медицинским свидѣтельством о болѣзни. Всѣ эти условія уже выполнены... .. Дальше я разговора не помню, ибо у меня из головы не выходила мать: то она бросится ко мнѣ, как бы что-то хочет сказать; то опять сядет на стул и старается улыбаться... Но все было не то; так она и ушла, ничего мнѣ не сказав... Да, по правдѣ сказать, ~~и лучше~~ это и лучше было: дают вам ограниченное число времени, и у вас все время

на умѣ, как бы чего не забыть и успѣть как можно больше сказать, а в результатѣ — ничего!..
Свиданье кончено; их выводят... Я бросилась тоже на крыльцо тюрьмы, но здѣсь меня удержали жандармы. Вот мать дѣлает нѣсколько шагов к выходным воротам; видно, что ей трудно; знакомая ей взяла ее под руку... Вот вдруг она оглянулась! мелькнуло передо мною ея лицо... все в слезах... Вот она махнула рукой и — исчезла за воротами... Что̀ это было?... сон или дѣйствительность?..
В дѣтствѣ я часто одна, в полѣ или в лѣсу, встрѣчала восход ~~солн~~ солнца и закат. Так и теперь я как-бы стояла среди лугов и любовалась закатом солнца... Но вот оно закатилось, оставив только яркую полосу свѣта, — яркую, но нѣжную, мягкую, властно зовущую куда-то вдаль, манящую и нѣгой, и нѣжностью своей... И с закатом солнца стала сгущаться тьма, и в сердцѣ говорит какая-то грусть: — „прошлого дня не вернуть! Будут, может быть, лучшіе дни; будут и худшіе, а прошлаго не вернуть!..“ Я видѣла людей родных

мнѣ и любимыхъ; я прочла в их глазах, что у них нѣтъ мнѣ упрека, и на душѣ стало как-то свѣтлѣе, и нѣтъ отчаянья; есть толь=ко тихая грусть, что я боль внесла в душу ма=тери... Теперь я не скажу, конечно, чтобы я боль несла ей, ибо ни я, ни она не виноваты, а виноваты условія ~~в этом~~. Но тогда я еще не могла разобраться в этом. Мать ушла. Увижу ли я ее снова?..

6

В субботу в неурочное время явилось тюрем=ное начальство: просит вещи собрать, а самой последовать в контору. Я вся дрожу и волнуюсь.. Что там ждет меня? Снова ли допрос, или еще что?..

Вот уже я в конторѣ. Вещи все принесены сюда же. Ждетъ жандарм... Отворили ворота; быстро подъѣхал извозчик, мы сѣли с жандармом и помчались. Остановились у крыльца Жандармского Управленія. Двое жандармов уже отворили дверь, и я прохожу сквозь строй. Нѣ=

ло осматриваю комнату, ища глазами мать.
Но ея нѣтъ. Внутри что-то упало и замерло,
нервное состояніе смѣнилось апатіей...
Я сижу минутъ пять, но как мнѣ кажется... это долго-долго!... Вдругъ, отворилась дверь, и я вижу мать..
Она — сіяющая и взволнованная отъ радости.
Ей дали подписать бумагу, гдѣ значилось,
что она беретъ меня на поруки, и если
я куда-либо исчезну с лица земли,
то она лишается залогу, тысячи рублей.
Затѣмъ слѣдовала строгая и внушитель-
ная рѣчь жандармскаго полковника, и
послѣ этого напутствія, спрыгнувъ почти
разомъ со всѣхъ ступенек лѣсенки, я — сво-
бодна... Меня обдаетъ городской шум,
гам и людская болтовня. Как все стран-
но, но удивительно мило и дорого, —
все-все: грязные закоулки, заборы, чу-
мазые мальчуганы!.. От всего я при-
хожу в восторгъ и чуть не бѣгу. Мать
еле поспѣваетъ за мной... Я болтаю
с нею без умолку, задаю вопросы и не полу-
чаю отвѣтов... говорю без конца... Чуть

ли не в этот же день я обѣгала всѣх своих подруг; на третiй день была в лѣсу и на рѣкѣ; купалась, правила сама лодкой, смѣялась и болтала без конца...

7.

Прошла недѣля, и на смѣну перваго повышеннаго настроенiя явилось упадоч ное и удручающее состоянiе духа: я пло хо ~~спала~~ сплю; говорю по ночам; иногда плачу...

Это длилось недѣли двѣ; всѣ думали — пройдет... Но нѣт!.. Я позабудусь на день, на два, а потом — снова хандра!.. Мать, видя меня такой странной, испугалась: от природы я была неизмѣнно радостная и шаловливая дѣвочка.

Пошли к доктору. Тот сказал, что надо лѣчится, и стал меня лѣчить ~~эле~~ электричеством и всячески развлекать.

Но мать — родная хорошая мама — она не могла мнѣ дать развлеченiй, ибо она их сама не знала...

8

Стала я немного поправляться и опять начала учиться. Я любила математику. Познакомили меня в это время со студентом Х., который мнѣ давал уроки, а впослѣдствіи стал моим мужем. Замуж вышла я, так. обр., очень рано: 16 лѣт. Мама не хотѣла, чтобы я так рано выходила. Но я настояла, и она согласилась. Надо замѣтить, что мнѣ не позволили держать экзамен и обязали подпиской о невыѣздѣ из города. Потом, через нѣсколько мѣсяцев, пришел циркуляр от. М.В.Д. Плеве с приказом отдать ~~меня~~ под надзор полиціи на 3 года без права поступленія в какія бы то ни было казенныя учебныя заведенія, да еще отсидѣть ~~в~~ 2 или два с половиной мѣсяца в тюрьмѣ.

9.

~~Почему я так рано вышла замуж, я не знаю. От того ли, что душа моя болѣла, а мама не знала, как ее залѣчить? Или это [illegible]~~

~~[illegible] тревоги... Не[illegible] верно, [illegible]~~
~~[illegible] горя~~...

Черезъ годъ у меня родилась дочь.

Мужъ мой ~~былъ [illegible]~~ ~~[illegible]~~ былъ вполнѣ уже убѣжденный человѣкъ, побывалъ въ Сибири (въ 1902 году многіе студенты были туда высланы въ административномъ порядкѣ за студенческія волненія), успѣлъ вернуться обратно. Но мѣсяца за три до свадьбы онъ былъ снова арестованъ, просидѣлъ 1½ мѣсяца „въ порядкѣ охраны" и затѣмъ снова былъ выпущенъ. Вообще говоря, жизнь его была и послѣ нашего брака полна тревогъ: то напряженная работа и продолжительное отсутствіе изъ дому: то — опасеніе ареста и необходимость скрываться; то — опять арестъ и нѣсколько мѣсяцевъ тюрьмы... Наконецъ, онъ долженъ былъ совсѣмъ бѣжать изъ дому и жить въ другомъ городѣ на нелегальномъ положеніи (т.е. подъ чужимъ именемъ съ фальшивымъ паспортомъ, какъ это вообще приходится дѣлать скрывающимся русскимъ революціонерамъ.)

Такимъ образомъ, мнѣ жилось скверно, тяжело и одиноко. Главное, то что меня мучило, это — это

Муж мой не имѣл возможности учить меня, помочь мнѣ продолжать мое образованіе, чего мнѣ страшно хотѣлось и на что я надѣялась. У него могло бы хватить времени помочь мнѣ в выработкѣ моих убѣжденій, что он и дѣлал; но мнѣ хотѣлось продолжать обученіе ~~грамотности и систематическія занятія~~ грамотѣ и систематическія занятія элементарными предметами; а это было для него, при его жизни, совершенно невозможно...

II

Грянул пресловутый манифест 17го октября. Муж мой возвращается домой (с нелегальнаго положенія) и — что же?.. Не успѣли еще лужи крови высохнуть на мостовых, как, им понадобились новыя жертвы: после массовых избіеній, снова начались аресты. Ночью явились и к нам жандармы. На стук ~~в дверь~~ я подумала, что брат вернулся откуда-нибудь; иду преспокойно ~~ему~~ отворить ему дверь. Вдруг, вижу в окно цѣлую кучу людей. Страшно было!

9

— „Кто"?

— „Полиція; откройте дверь"...

Отвѣчаю, что я не одѣта; на это мнѣ заявляют, что если я не открою тотчас, то они выломают окно. Пристав дает слово войти послѣ того, как я уйду к себѣ. Я открываю дверь. Меня в один миг окружают, и я в кругу мужчин, в одной рубашкѣ, и не смѣю уйти без разрѣшенія.

Обыскали всю квартиру. Ничего не нашли; однако, мужу моему приказано было одѣваться и слѣдовать за ними. Он запротестовал! просит показать постановленіе губернатора об арестѣ. Ему дают. Он читает:

„Произвести у такого-то обыск и, в случаѣ обнаруженія чего-либо преступного, — арестовать."

— „У меня же ничего не найдено" — говорит муж. Ему спокойно возражают на это: „У нас есть еще секретное предписаніе... Пожалуйте за нами"... Поцѣловав спящаго ребенка, он ушел.

лась опять одна, со своими думами и печалями...

11.

Через мѣсяц слышим, — всѣх арестованных высылают административным порядком в Сибирь. Я, вскорѣ послѣ ареста мужа, заболѣла и лежала в больницѣ. Услыхав, что им предложено готовить на всякій случай теплую одежду, я вышла из больницы и принялась за хлопоты: стала добиваться у губернатора, чтобы мнѣ сказали, куда будут высылать, ибо я хочу ѣхать с мужем. Но мнѣ не говорят ничего опредѣленнаго до послѣдняго дня. Наканунѣ, послѣ усиленных хлопот, мнѣ удалось добиться указанія, что их везут в Сибирь, в Тобольскую губернію; а куда именно, так и не сказали.

Между тѣм, Тобольская губернія велика (больше, напр., чѣм Бельгія, вдва раза) и, поэтому, разнообразна в климатическом отношеніи.

В день отправки я пришла в тюрьму и заарестовалась, т. е. выразила желаніе ѣхать добровольно с мужем в Сибирь.

Повезли нас в арестантских вагонах, и мнѣ не позволили далѣе проститься с мужем на станціи...

Из города нас выѣхало 11 человѣк; но по пути, с каждым новым городом, люди все прибывали и прибывали. К Челябинску политических набралось уже полный вагон, ~~не считая~~ не считая уголовных: спали на лавках, на полу и под лавками, ибо мѣста ~~не было~~ не хватало.

В дорогѣ я схватила ангину и расхворалась вконец.

Прибыли мы в Тюмень; а из Тюмени до Тобольска нужно было идти пѣшком двѣ недѣли. Послѣ протеста нам, однако, дали лошадей.

Морозы стояли лютые: 35°–40°. У нѣкоторых совсѣм не было зимней одежды, ибо они были увезены столь неожиданно, без предупрежденія, что просто не успѣли запастись теплым платьем: им ничего не говорили о „вдруг" увезли, в чем были. Арестантскіе полушубки, вонючіе и грязные, помогают мало. Холод, грязь, а порой и

голод (немного вѣдь можно достать на 10–15 коп. в сутки, выдаваемые политическим) — были все время нашими спутниками.

Подъѣзжая к Тобольску, я уже лежала. По прошенію мужа и с разрѣшенія М. В. Д., назначили консиліум врачей и рѣшили, что мнѣ до сѣвера не доѣхать: оставили нас, т. е. меня с мужем, в самом городѣ до поправленія моего здоровья.

Мѣсяца через два я поправилась. Но в это время мнѣ написали, что мать моя сильно больна, а мужа должны были (вот-вот) выслать на сѣвер. Я рѣшила ѣхать к матери...

Через нѣск. дней он бѣжал обратно, в Россію, а я поѣхала домой, к матери....

12.

Мать я застала еле живой. Дѣвочка моя уже бѣгает. Я снова дома, но отрады здѣсь мало: дѣвочка моя больше привязана к моей матери, чем ко мнѣ: зовет ее мамой, а меня — по имени. Я чувствую себя как-то словно лишней, и снова что-то печет и гложет внутри, и моя раздвоенная душа не-покойна. Нѣт у меня как-то ни настоящей

семьи, ни настоящаго дѣла; и существова-
ніе мое тянется как-то без цѣли...
Учиться не с кѣм.. Тоскливо...
Между тѣм, революціонная молодежь*
настроена бодро и готовится к бою; и я уже
сознательно кидаюсь в ея ряды. Жизнь
повседневная, мелочная и будничная меня
не удовлетворяет, а другой я не знала.
Борьба за лучшее — мнѣ по душѣ. Судь-
ба меня не баловала: она слишком
рано показала мнѣ изнанку жизни; а
в руках у меня не было оружія, кромѣ
жизни моей собственной: и я рѣшила
отдать ее за это лучшее будущее...
Здѣсь начинается сплошной кошмар — ужа-
сный, тяжелый кошмар, длившійся три
мѣсяца до моего ареста, и послѣ — до настоящих
дней... Мнѣ как-то больно говорить о чем
и не хотѣлось бы... Ну, да если уже начала...
Впрочем, о самой моей революціонной дѣятель-
ности за эти первые 3 мѣсяца я, все-же, умол-
чу.....

Я — в квартирѣ врага, в чудном сосновом бору; недалеко — старый монастырь...
12 часов дня. Я ~~собралась~~ собираюсь уѣхать, и вдруг — весь дом окружен полицией.
Входят нѣсколько человѣк, во главѣ с исправником. Я стою в залѣ. Не входя в нее, исправник, окруженный стаей охраны, кричит мнѣ:
— „Если только будете стрелять, то знайте, — от этого дома не останется камня на камнѣ"... Я молчу. —
— „Ваш браунинг"?.. Я молчу. —
— „Ваш браунинг"!.. И ни одного шага вперед, стоят, как ~~вк~~ вкопанные, на порогѣ, и требуют браунинг... А есть среди них дѣтины — косая сажень в плечах; да вѣдь притом всѣ с винтовками за плечами...
Я оглянула себя: у меня ничего в руках нѣт... И мысленно (и взглядом) я в эту минуту презирала их больше, чѣм когда-либо прежде. Трусят... и кого? женщины!.. да еще цѣлая стая...

Наконец, я жестом показала, где браунинг, а сама ушла в себя. Мне кричат уже совсем сильно: „Ваш вид, паспорт... Кто вы?..“
На это я отвечаю: —

— „Раз вы арестовываете, — очевидно, знаете, кого...“ Он вызывающе бросает мне в лицо, кто я и в чем обвиняюсь...

Я не ждала этого: меня, как громом, ударило и оглушило. Но я держусь крепко: ничего не говорю... Только признала свой браунинг, в котором не хватало одной пули... (Эта недостающая пуля никакого отношения к самому делу не имела: ~~что~~ утром в этот день я выстрелила его на пари в цель).

Кончился обыск квартиры и личный, мой. Меня уводят. Кругом — стражники с винтовками. Я иду. Вечер, чарующий своей влагой и ароматом сосен. Свежо. Я мысленно прощаюсь с природой и шлю привет близким.

14

Ввели меня в какой-то дом, состоящий

из маленьких клѣтушек. В одну из этих клѣтушек попала и я. В ней — крохотное оконце, нары. От них один шаг до двери с глазком. Около двери — дежурный с винтовкой; около окна — тоже. Осталась я одна; стала думать. Стража сильная; повидимому, какія-то строгія инструкціи даны... Вдруг, во весь рост стала передо мною мать моя с моим ребенком на руках. У меня закружилась голова, и мысль заработала болѣзненно быстро. Я вся сжалась; я хотѣла утонуть в слезах, лишь бы не видѣть и не думать о них... Нѣт ни слез, ни сил, чтобы заставить воображеніе перемѣнить картину. Полный ужас охватил меня всю, я перестала понимать окружающее. Кто-то кладет мнѣ руку на плечо и говорит:

— „Вы что-то хотѣли сказать"...

Он повторяет это нѣсколько раз, но я хоть и слышу, но не могу понять смысла... Очнулась — ~~пере дом~~ передо мной квартальный. Дрожь пробѣжала по всему тѣлу. Я отошла

в угол.. „Хе-хе-хе," старчески сипел квартальный: „я вѣдь Вам добра желаю... вот молоды да зелены, а куда лѣзете... А теперь мать-то страдай!..."

Ну что же?.. Мосье, что-нибудь Вам надо будет, — так Вы говорите: вѣдь я никому не скажу... Вот Вам бумага, карандашъ..."

Разговор этот происходил ночью; я, как ни растерянна была, но сообразила, что никакія писанія мои не дойдут даже до матери.. Эта хитрость пущена была неудачно. Я ничего не писала.

15

Во всю ночь я не спала, и все-же не знаю, о чем думала и что чувствовала... Знаю только, что не плакала.

На утро меня куда-то повезли.

Ѣхали на двух тройках: впереди — я со стражниками; сзади — Исправник со стражниками же. Все время исправник держит в рукѣ револьвер. Погода мерзкая: снѣг медленно тает...

Так проѣхали мы сорок верст. Я промокла до костей: на мнѣ ничего не было, кромѣ кофто-~~Тріи~~ чки на ватѣ.

Пріѣхали в городок. Меня привели в Полицейское Управленіе. Я требую переодѣться, ибо у меня зуб на зуб не попадает; не позволяют: —

— „Надо сначала вас обыскать"...

Ждут, — все нѣт и нѣт. Наконец, явились нѣсколько женщин. Раздѣли догола. Я им говорю, что вѣдь я раз уже обыскана, — чего же им еще надо?...

Одѣлась я потом в полусухое бѣлье, которое со мной было. Хотѣлось броситься куда-нибудь в угол, заснут, забыться... А там — пусть хоть завтра же разстрѣляют!... Тѣло все горит. Голова — тоже. Внутри — жжет от голода. Думаю: только бы скорѣе попасть в тюрьму; там бы я осталась хоть на пять минут одна... Нѣт, не везут...

Допрашивает меня исправник. Я на все даю отрицательные отвѣты. Хотѣла я было просто сказать ему, что он не имѣет права

мучить меня допросами, ибо на это у нас есть слѣдователь. Но мнѣ так хотѣлось скорѣй отдѣлаться от него, что я больше молчала, и язык мой как-то не поворачивался...

Я не могу теперь передать всего того, что переживала я в эти немногiе часы... Да и развѣ могут слова выразить всю измученную душу?. ~~Вот~~ В этой тюрьмѣ много было пережито всѣ вплоть до сознанiя, что завтра меня могут застрѣлить.

Так почти и было один раз: ~~даже~~ на прогулкѣ, вдруг, сзади меня раздается выстрѣл. Я замирало на мѣстѣ, ~~и думаю~~ не оглядываясь:

— „Жива еще"... — Мамочка, Ися, прощайте,“ проносится в мыслях...

~~проносится в мыслях~~...

Второго выстрѣла не послѣдовало. Я оглянулась, стоит предо мной стражник и заявляет, что, мол, „не тужите, — это ничего: нечаянно, — говорит, — замок сорвался, ну и выстрѣлил"... Было ли дѣйствительно так, или он стрѣлял умышленно — я не знаю...

16.

Через недѣлю пошла я по этапу. Мѣсяц шла по разным тюрьмам, тогда как можно

было довезти до мѣста по желѣзной дорогѣ в 30 часов. Шла я с уголовными арестантами. Чего только не наслушалась. Обилен наш русский язык выраженіями, но я нигдѣ не слыхала ни в деревнѣ, ~~и~~ ни в городѣ, даже от пьяных людей, того, что здѣсь говорилось. До сих пор я не знаю, к чему же всѣ эти слова отнести и какое ~~им значеніе~~ придать значеніе. Я уже не говорю о грязи и о фамильярности в обращеніи.

На одном этапѣ ко мнѣ ночью вошел старшій конвойный и ~~заявляет~~ заявил, что он желает остаться на ночь у меня!

„Веселѣй, — говорит — будет"...

И уже старается обнять меня... Я крикнула на него, чтобы он вышел вон, или я буду кричать... Он лишь спокойно заявляет:

„Чего кричать-то? Вѣдь все-равно растрѣляют".

Я задыхалась от злобы и полного безсилія своего. За стѣной были уголовные мужчины. Он мог бы сдѣлать все, чего только захотѣл ~~бы~~ бы... В эту минуту он почему-то повернулся и ушел. В эту ночь я рыдала как безумная, и днем ничего уже не могла ѣсть, и едва держалась

на ногах.

Этот конвой передал меня на станции ж. д. другому. В вагоне я встретилась с товарищем политическим, который дал мне денег, книгу и газету. Привет тебе, товарищ, и большое спасибо... Но ни книги, ни газеты мне не суждено было прочесть. Взяли мы на одной станции, и опять повели меня в какую-то избу. Пришли.

Вдруг конвойный говорит: — „обыскать тебя надо..

— „Почему, — спрашиваю: ведь вам передал же меня конвойный"?... —

— „Обыскать, тебе говорят!"

Я даю свой узел, где было немного белья и книга с газетой:

— „Пожалуйста"...

Это „пожалуйста" почему-то обозлило конвойного.

— „Без всяких «пожалуйста»! Вот еще и тебя-то обыщу"...

На это я возражаю:

— „Позови раньше женщину, а тогда ~~потом~~ и обыскивай"...

Он как крикнет:

— „Руки вверх!"
Я не поднимаю. Он еще раз повторяет. Я не поднимаю. Тогда он бросается ко мнѣ и начинает своими ручками водить по всей моей фигурѣ и перебирать юбки.
Я стояла и ждала чего-то ужаснаго... Но ~~того~~ оно не произошло. Он отошел, взял книгу и газету и начал меня ругать...

17.

Всю ночь я ~~не спала~~ просидѣла на скамейкѣ, облокотившись на свой узел. Это — уже вторая ночь без сна; и раньше-то приходилось засыпать не надолго, а здѣсь — совсѣм перестала спать. Да и голод мучит: ~~что бы~~ что-нибудь купить, надо просить конвойнаго, а развѣ я могу хоть слово сказать с ним?..
Пріѣхала я в С-кую тюрьму, гдѣ вызвала конвойнаго офицера и передала ~~ее~~ все, что со мной было в дорогѣ. И знаете, что он ~~сказал~~ мнѣ отвѣтил?..
— „Свидѣтели у Вас есть?.. арестант не может быть свидѣтелем"...

Конвойные, значит, оставались... Но развѣ они станут говорить на самих себя?.. Я возразила!

„А имѣют ли право присутствовать на судѣ в качествѣ свидѣтелей стѣны изб?"

„Так берите свои слова обратно... Или Вы будете отвѣчать на судѣ за клевету".

Я слов, конечно, обратно не взяла...

18.

Наконец-то меня переправили в К-скую тюрьму. Здѣсь явился ко мнѣ слѣдователь. Значит, до суда буду жива.

Начались допросы: послѣ цѣлаго мѣсяца полной неизвѣстности, мнѣ предъявляют моего брата и одного знакомаго для опознания и с цѣлью вызвать меня на разговор.

Брат успѣл сказать мнѣ, что он приѣхал на свиданье ко мнѣ, и его тотчас арестовали, что мама уже поправляется, Иля (дочь) здорова... Самому ему удалось доказать свою непричастность тѣм, что он лежал в то время в больницѣ: ему дѣлали операцію...

Слѣдователь, поэтому, отказался обвинять его, и его освободили очень скоро. Впрочем, жандармы снова арестовали его через три дня и сослали административно в Сибирь на 3 года.
Неожиданное свиданье с братом вызвало у меня истерическій припадок; я начала рыдать. Брата увели, и я не успѣла сказать ему ни одного слова о том, что со мной было. Допроса не отложили, а приступили к нему тут же: мнѣ задают вопрос за вопросом, но, видя, что я не могу выговорить ни одного слова, зовут фельдшера и дают мнѣ валерьяновых капель.
Я немного успокоилась. Допрос продолжается. На всѣ заданные вопросы я заявляю, что отказываюсь отвѣчать, и к этому заявленію добавить ничего не могу. Однако, слѣдователь не унимается: тащит ко мнѣ какого-то мальчика 15–17ти лѣт; этот уставился на меня, долго смотрит и отошел ко всей кучкѣ, гдѣ находился сам слѣдователь, исправник и какой-то военный, офицер. Послѣ этого меня, наконец, выводят.

19.

Каждый день почти являются ко мнѣ все новыя и новыя лица, во главѣ с жандармом: всѣ они осматривают меня и потом уходят. Так было до 1-го декабря. К этому дню шествіе кончилось.

Один раз за все время пріѣзжала ко мнѣ мать. Свиданье на свиданье что я не могу описать...

Наконец, в первых числах января везут меня в губернскій город — судить.

Надо замѣтить, что сначала нас хотѣли судить простым окружным судом; затѣм — судебной палатой; и, в концѣ концов, рѣшили предать суду Военно-Окружному [по особому ходатайству [redacted] губернатора*)].

Отвратительно было то, что этот господин систематически мучил мою мать своими увѣщеваніями, вызывая ее к себѣ в канцелярію и по полчаса доказывая ей, что чуть не по ея винѣ дочь ея будет теперь повѣшена. Зачѣм-де она выдала меня замуж за революціонера?..

Он умудрился даже пальцами показать ей, как я буду в воздухѣ болтать ногами..

---

*) убитаго впослѣдствіи за звѣрскія расправы с крестьянами товарищем с.-р.

Увы, неосуществилась его мечта: не даст ли он теперь самъ отвѣта за всѣ страдания засѣкаемых крестьян и за муки матерей?..

20.

Везли нас в ~~город~~ губер. город троих: меня и еще двух мужчин: одного-товарища, а другого — того самого мальчика, который всѣх выдавал...

Ѣхали мы на лошадях, под охраной 26^{ти} человѣк: девятнадцати пьяных казаков и 7 солдат.

Мужчины сидѣли на одних санях, скованные один с другим за руки (лѣвая с правой); мороз был ужасный, и оковы жгли им кожу. Я была одна в других санях, в кругу солдат и казаков. Это была пытка невыносимая; все хотѣла я броситься под казацкую лошадь, хоть и знала, что этим ничего не достигнешь: умереть не удастся, а калѣкой навѣрное буду. Солдаты все же лучше, чѣм казаки; что они мнѣ говорили, не дай Бог никому слышать!.. Сначала были ужасные комплименты; ~~[illegible]~~; но потом —

вратительная брань, насмешки и циничная оцѣнка меня; подвиганье поближе ко мнѣ и заглядыванье мнѣ в лицо... Может-быть, было бы и больше, если бы я была ~~одна~~ во власти одних только казаков; но здѣсь, слава Богу, были и солдаты, которые отвѣчают за арестованнаго; при этом, солдаты наши были немного лучше тѣх, с которыми приходилось мнѣ до сих пор встрѣчаться; но сдѣлать для меня хоть что-нибудь лучшее они не могли при всѣх этих пьяных звѣрях....

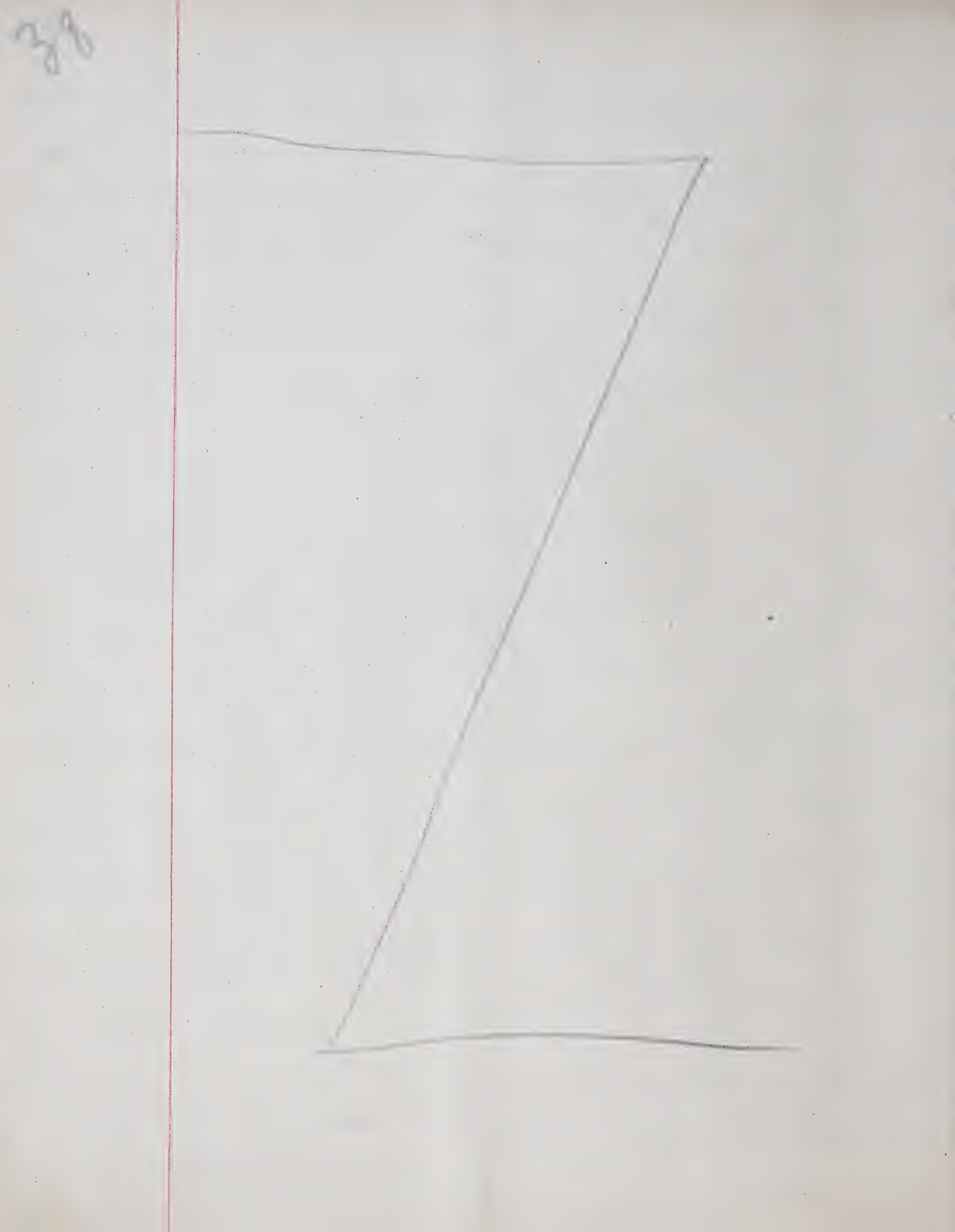
Я всю дорогу была нѣма как рыба...

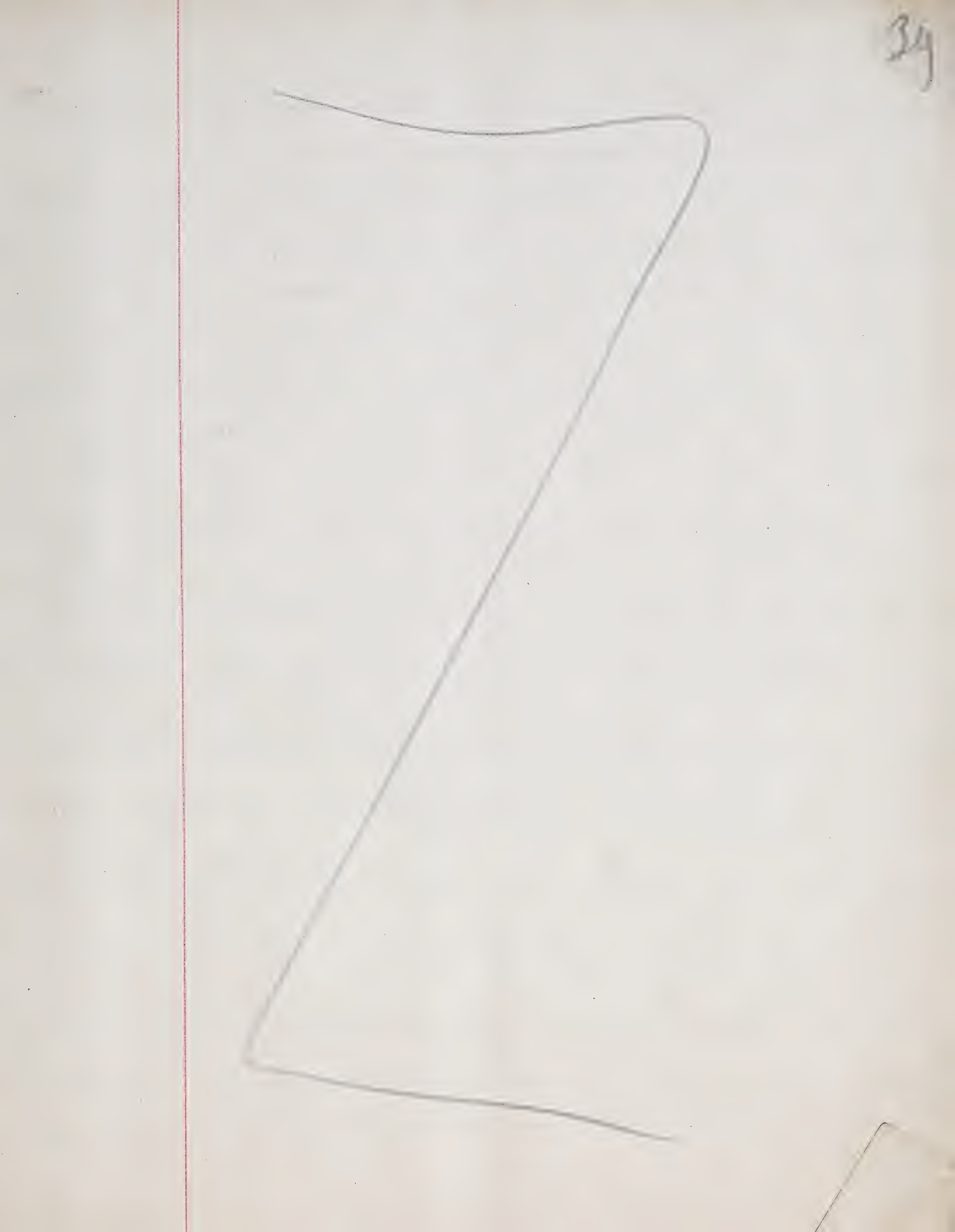
21.

На одном из этапов нас помѣстили в избу, в двѣ различныя комнаты, раздѣленныя средней комнатой, гдѣ размѣстились солдаты.

Печи натоплены были до того, что нельзя было притронуться к ним; а в комнатах — все-таки холод невозможный: помѣщеніе дырявое, печи топятся один раз в недѣлю и.

Продолж. см. стр. 40.

40

закрываются рано, с головнями вмѣстѣ: дым, чад носится по комнатѣ...

Мальчик наш ~~так~~ вскорѣ угорѣл так, что его начало тошнить; он просил, чтобы его вынесли на воздух, но ~~никто~~ никто не обращал на это никакого вниманія. Он стал плакать и проситься хоть в комнату к конвойным, гдѣ все время открыта была дверь, и воздух был свѣжій.

Наконец, кто-то из солдат сжалился над ним и дал ему снѣгу... Мальчик мучился ~~Мал~~ ужасно: выдав всѣх своих товарищей, он все время боялся мести, боялся отравленія. Жандармы, несмотря на обѣщаніе облегчить его участь, нисколько не пощадили его. Участь его была ужасна. Угорѣл он положительно до полусмерти: метался, кричал, молил... Все напрасно. Так его и на мѣсто привезли совершенно больным...

Я от ужаса чуть не падала, но молчала...

Наконец, мы в вагонѣ. Окна — с рѣшетками; конвойные, солдаты... Но здѣсь я, может быть, впервые послѣ своего ареста, вздохнула

свободно! Нас оставили в покоѣ; ручныя кандалы с мужчин были сняты; к тому же, здѣсь были еще другiе политическiе; говорили мы о чем хотѣли; ~~никто~~ никто не мѣшал нам...

Но часы летѣли, и близок был конец мимолетному душевному отдыху.

42.

Вот и город, милый, родной город!... Зачѣм не свободною я вошла в тебя?... Опять казаки. Новый конвой принял нас грубо: выстраивались мы как солдаты, и даже мнѣ кричали:

„В затылок, в ногу"...

Увы, этого они от меня не добились: я путалась в своей мѣховой шубѣ и ничего не видѣла... Была ночь, морозная и звѣздная... Огни; шум; крик; топот лошадей... Я забыла, что это — родной город: лишь бы скорѣе добраться до тюрьмы: может — быть, удастся на время успокоить наболѣвшую душу...

42

Пришли. Было 11 часов ночи.
Отворили дверь. Сначала я миновала тесный коридорчик, а затем ~~[illegible]~~ очутилась в камерѣ.
Стою у порога, и вдруг — слышу: Варя пріѣхала! Ко мнѣ бросается Катюша, дѣвушка лѣтъ 18-ти. Я знала ее немного на волѣ. Однако, я не скоро стала отвѣчать на вопросы. Меня поразила чисто-семейная обстановка этой общей камеры: большая комната, с громадными нарами по обѣим сторонам; по срединѣ огромный стол; на нем — пузатый самовар; возлѣ лежит хлѣб, сахар и котлеты. На нарах — подряд лежат женщины; нѣкоторыя накрыты одним одѣялом сразу; многія уже давно ~~спали~~ спят....
Меня спрашивают, не хочу ли я ѣсть.
Я принялась за ѣду с большим апетитом. Ѣла все, что мнѣ давали... Потом — сама стала болтать без умолку, даже с нѣкоторым юмором. Однако, слушательницы мои замѣтили, что я ужасно худа.
Скоро меня насильно уложили спать, и хотя

мнѣ все хотѣлось их обо всем расспросить, онѣ заявили, что ни одного слова со мной больше не скажут. Дѣлать было нечего. Впрочем, я долго не могла заснуть, и так что мнѣ, в концѣ концов, дали выпить брому.

23.

Часов в 7 я уже проснулась. Смотрю с нар и вижу массу голов. Удивленно спрашиваю:

— „Да сколько же вас тут?"

— „Сейчас 16, а было больше, хотя камера на 8 человѣк".

В ~~эту~~ эту минуту слышу дѣтскій крик. Тут я не выдержала и расхохоталась:

— „Господа, да что это у вас и младенцы здѣсь сидят?!"

Встали. Я перезнакомилась со всѣми. Началось чаепитіе. Маленькое кричавшее существо оказалось удивительно спокойной и милой дѣвочкой: ей было всего три мѣсяца, а самой матери — 25 лѣт. Эта была миловидная блондинка, блиставшая здоровьем, свѣжестью лица, не пенской

47

физической силой и железным характером. Мы всѣ с большим уваженіем к ней относились.

Моя любимая Катя была высокая дѣвушка, стройная, с чудным цвѣтом лица, длинной косой, вьющимися волосами и большими красивыми глазами. Она была любимицей всей камеры. К сожалѣнію, она страдала ~~эп~~ эпилептическими припадками. Сидѣла она раньше всѣх, уже 7 мѣсяцев. Что это за мука была для нея и для всѣх нас во время ея припадков!.. Повторялись они обязательно раз в недѣлю, а при непріятностях и чаще. Была у нас еще одна больная; эта уже совсѣм забивалась, и психически была немного разстроена.

~~Да~~ Сама я тоже была очень нервная; их припадки заражали и меня, и к концу года сидѣнія в тюрьмѣ (уже послѣ суда) я заболѣла и была переведена в больницу, откуда впослѣдствіи и бѣжала.

24.

XX. Из событій ~~этого~~ всего этого года не могу не разсказать об одном арестѣ семейства ветеринарнаго врача.

Всю семью привезли в нашу тюрьму (мужчи-
ны мужское отдѣл.)
Ему самому было 50 лѣт; сыну — 20 лѣт;
двум дочерям — одной 17ти, а другой — 14 лѣт.
Когда к ним (по доносу) пришла полиція, —
дома были двѣ дочери и прислуга. Отца
не было. Брат уѣхал из дома уже нѣсколь-
ко дней тому назад, гостить в имѣнье.
Спросили, гдѣ брат. Дѣвушка отвѣтила,
что его нѣт в городѣ. Полиція, не слушая,
заявила, что будет производить обыск.
Сдѣлали обыск — ничего не нашли и ушли.
Старшая сестра, ничего не подозрѣвая, дала адрес брата.
По уходѣ полиціи, дѣвочки, перепуган-
ныя, вошли к брату в комнату. На сто-
лѣ стояла какая-то корзиночка. Ни-
кто ея при обыскѣ не тронул. Сестры
не знали, что это такое...
Онѣ взяли ее и вынесли, на всякій случай,
в коридор.
Вдруг, снова полиція, и с большим ко-
личеством шпиков. Это второе нашествіе

было ровно через полчаса, или даже меньше. В этот раз была раскрыта и корзиночка, в ней оказались двѣ бомбы. Полиція, удовлетворенная, захватила с собой и сестер. Позже был арестован отец. Из С-ва был привезен брат.

Брат заявил, что бомбы принадлежат ~~не~~ ему; что ни отец, ни сестры ничего об этом не знали; что дал это ему один товарищ, с просьбой подержать нѣсколько дней, но не пришел за ~~ко~~ корзинкой; что там было, — он не знал...

~~Старшая сестра привезенная к нам и разсказала нам всю эту исторію~~

Несмотря на это заявленіе, бѣдная Соня, старшая сестра, привезенная к нам тогда и разсказавшая нам всю эту исторію, томится с тѣх пор в тюрьмѣ уже 1½ года. Младшую сестру отпустили через недѣлю; отца — через 3 мѣсяца; а она сидит... Сидит и брат... Суда еще не было и когда-то он будет?. Что эта дѣвушка должна выносить?! ~~Свѣженькая~~, хорошенькая, с чудными длинными волосами, хрупкая, как молоденькая ель.. Милое дитя, для

отца она была громадным утешением... Мать ~~[illegible]~~ (несколько ненормальная женщина) ушла от них давно и оставила их всех еще задолго до этой драмы. Теперь старик иногда сильно пьет, а кто виноват?... И не одна у нас такая драма... Нет ни сил, ни слов изобразить все, что делается у нас теперь...

25.

Вот в такой-то обстановке я пошла в тюрьму. Немудрено, что все личные боли, ~~причиненные~~ причиненные мне раньше, как-то сгладились до поры до времени... Жили мы все очень дружно. Некоторых за это время повыпустили. Осталось нас 10 человек. Жилось нам спокойно. Я виделась со своей матерью раз в неделю, по четвергам. Свиданье давали личное, т.е. без решеток. Приходила ко мне на свиданье и моя дочь, которой было в это время два с половиной года. Весной дочурка прожила дней у меня в камере про-

сутокъ.

Перед самой Пасхой получила я обвинительный актъ. Как тяжело мнѣ ~~было~~ было сказать матери, что меня судятъ. военно-окружным судомъ, да еще по 279 статьѣ (смертная казнь).

Но – дѣлать было ~~было~~ нечего: постепенно я стала готовить ее (однажды сказала ей, что меня ждетъ^x)!

Тут только она бросилась ко мнѣ на шею и зарыдала. Ей, повидимому, особенно больно было то, что я еще ~~не знала~~ все не все знаю; что она знаетъ больше и уже смотритъ на меня, как на обреченную...

26.

Пасха.

Мы пошли к полуночной службѣ в тюремную церковь. Всѣ одѣты в свѣтлое: у кого бѣлая кофточка, а у кого и цѣлое платье; даже я, и та завилась на сей день...

На второй день праздника – свиданья с родственниками. Мать прислала мнѣ чудных цвѣтов (еще накануне праздника она прислала

x) Я не ~~знала~~ подозрѣвала, что мать давно все знала, что она видѣлась с губернатором... Она ни разу не намекнула мнѣ на все это.

мнѣ куличъ, пасху, конфектъ, словомъ — все, что должно напоминать праздникъ. Да и всѣ получили что-нибудь с воли, и у нас накопилось такое богатство яствъ и цвѣтовъ! Мы покрыли свой громадный столъ бѣлой простыней, уставили его цвѣтами и нашими яствами; ~~Са~~ сами всѣ одѣлись по праздничному, а стриженныя из нас даже завились, чтобы придать себѣ болѣе праздничный вид, чего никогда на волѣ не дѣлали. И — миновали!.... ~~Насталъ~~

27. Прошелъ мѣсяцъ съ небольшимъ. Наступилъ чудный май, послѣдній мѣсяцъ весны... Цвѣты мы стали получать каждый день.. Множество цвѣтов.. Груды цвѣтов. Мы не знали, куда их дѣвать и заставили ими всю камеру..

И вот настало 23-е число, день моего суда.

У меня всегда была слабость к хорошим духам; к этому дню мамочка прислала мнѣ свѣтлую блузку, бѣленькій галстук и духов...

Но вот, рано утром 23-го числа, вмѣсто

часов, меня вдруг вызывают к полицейскому старосте с мужского отделенія..
Иду, и — что же?.. Товарищ торжественно и волнуясь вручает мнѣ флакон духов и говорит: „Я, по порученію товарищей, ~~стодав~~... выписал вам духи для этого, чтобы ничто не могло вас огорчить в этот день...."
Я была так тронута этим сердечным вниманіем товарищей!.. И внутренне дала себѣ слово: что бы со мной ни было там, на судѣ, а в стѣны тюрьмы я грусти не внесу...
Вернулась я в камеру и показала подругам свой подарок... Всѣ переглянулись и были, как видно, тронуты...
Потом всѣ на перебой принялись меня одѣвать: чешут мнѣ волосы, застегивают крючки, бѣгают вокруг, и далее пришпиливают к волосам черную ~~ленточ~~ ленточку... Потом насильно поят меня чаем, кормят яйцами... В прочем я от волненія не могла ничего ~~не~~ ѣсть, все давилась, и они бросили, ~~свою~~ наконец,

свою затѣю...
Кончились сборы. Вдруг Ш—ра (одна из подруг) бросается ко мнѣ и вѣшает на шею свои небольшія часики... Боже мой сколько здѣсь было ласки и нѣжности в каждом словѣ и сколько заботы!... Всѣ стараются скрыть душевную бурю...
Всѣ цѣлуют меня, идут провожать...
Одна не выдержала! Я видѣла, как она пошатнулась...
Вот калитка на мужской двор, через который мнѣ надо идти; всѣ провожающія что-то говорят мнѣ, наперерыв цѣлуют... Вот я переступаю порог и сразу — жутко и холодно стало на душѣ, словно я очутилась одна в склепѣ: нѣт милых лиц и их ласк... Неужто — думал, — жизнь так быстро уйдет от меня?..., Нѣт, прочь эти мысли!.. Мнѣ еще силы нужны...
Конвой! Лязг шашек. Команда —
— „Становись"!..
Я иду рядом с товарищем. Он не скован

~~нам мал~~ Сзади нас идет наш мальчик, блѣдный, с испуганными глазами... Отворяются ворота, и нас обдает свѣжим утренним воздухом. Яркое солнце слѣпит глаза. Налѣво тянутся сады, утопающія в зелени, а за ними, туда дальше — виден берег родной рѣки... А еще дальше — синѣет свѣжій лѣс... Привѣт милому прошлому дѣтству!.. Рѣка и лѣс.. Я в них росла... Оглядываюсь назад, — нива колышется... И чуть видно село, в котором родилась я.... День обѣщал быть жарким. Вот мы уже входим в город. Вдруг подходит к конвою какая-то молодая дѣвушка и подает цвѣты... Конвойный передает их нам... А вот и мама. Ее ведет та самая Катюша, которая была со мной в тюрьмѣ (ее незадолго до нашего суда выпустили на поруки [illegible]). Мама блѣдная и еле бредет.. На ней все надѣто как будто на скорую руку... Они идут под руку по тротуару, а нас ведут по мостовой...

Дорога подымается в гору. Я вижу, — мама чуть не падает, но ~~тротуару~~ ~~не~~ торопится... Публика присоединяется к ним. Но я уже никого не вижу... Я вижу только Мать и понимаю ея торопливость... Боже, не могу... все валится перо из руки...

28.

Вот и суд. Я заранее просила маму не присутствовать на суде; теперь я в последний раз кричу ей!

— „Не ходи! Побудь с Исей"...

Но конвойный попался хороший: в дверях он дает ей подойти... Она крепко целует меня и исчезает...

По лестницам идем куда-то вверх... Привели в какую-то комнату. Велика была наша радость: комната эта оказалась выходящей окнами прямо в центр города, в сквер: кучками сидят там люди. Вот они подходят к решеткѣ, и я всех узнаю: вижу даже знакомых из моего села; все при-

54

вѣтливо кланяются... Ищу в толпѣ мать,
но ея нѣт... Неожиданно отворяется дверь
в коридор: вижу Катюшу и других подруг..
Но — опять к окнам... Смотрю, солнце уже
залило все своим свѣтом, и шаловливо игра=
ют лепестки на деревьях... Я отдалась на
нѣсколько минут созерцанію...

29.

Суда нам пришлось ждать часа два.
Товарищ был спокоен; мальчик — болѣз=
ненно спешился и волновался.

Вот об'являют: „ввести подсудимых"...
Нас ведут.

Громадный зал. (Я, надо заметить, до
этого не видѣла залы суда). Помѣщалось
зданіе суда на горѣ; самый зал был
на третьем этажѣ. Из него через город видна
желѣзная дорога, а еще дальше — громадная
поляна, не успѣвшая еще высохнуть послѣ
разлива и блещущая на солнцѣ, словно сере=
бром, своими болотами... За поляной,
далеко — далеко, словно темной горой, под=
нимается сосновый бор...

Зал суда я описывать не стану. Скажу лишь, что в нем в сторонѣ стояла группа свидѣтелей; впереди, за столом, покрытым зеленым сукном, были мѣста для судей; за перегородкой — мѣста для публики; против судей, с другой стороны, против свидѣтелей — сели мы на скамью подсудимых... Около нас выстроились солдаты с шашками наголо. Перед нами — защитники...

Судебный пристав заявляет, что „Суд идет"

Публику просят удалиться, ибо суд будет при закрытых дверях. Остались мы, подсудимые, да кое-кто из ~~публики~~ близких родных (каждому из нас разрѣшили имѣть на судѣ близких нам родственников, не больше двух...) Остались еще двѣ дамы, жены судей...

Пока судьи усаживались, я стала разсматривать свидѣтелей: нашла жандарма, исправника и каких-то мужичков..

Затѣм — начался военный суд, обычный русский суд с заранѣе приготовленным

приговором...

30.

Весь суд является, таким образом, ~~спло~~= сплошной комедіей,(x) и описывать его я не стану. Помяну лишь, что сколько-нибудь вѣских улик совершенно не было; что мальчик, показавшій сначала против нас, взял всѣ свои показанія обратно, как вынужденныя угрозами; что юридически — полное оправданіе было ~~возможно~~ совершенно очевидным; что защитники прекрасно выполнили свой долг, и что, несмотря на все это, рѣшеніе было вынесено быстро и категорически: Признать виновными (подсудимых всѣх). Такого-то (товарища) и такую-то (меня) — лишить всѣх прав состоянія и предать смертной казни через повѣшеніе, а такого-то (мальчика) лишить прав и сослать в каторжныя работы, сроком на 15 лѣт. При этом суд постановляет, в силу смягчающих вину обстоятельств, ходатайствовать перед главнокомандующим

(x) Для характеристики суда достаточно сказать, что он, суд, признал виновным [redacted] также брата моего мужа, к-рый (брат мужа) был арестован за 1-2 мѣсяца до инкриминируемого нам ~~[illegible]~~ преступленія, а во-время суда еще сидѣл в тюрьмѣ, но [illegible] судьями не разысканным: он сидѣл по чужому паспорту. Теперь

о замѣнѣ смертной казни 15-ти годами каторги. Эта замѣна и была произведена. Причем — маленькая подробность: объявлено мнѣ было об ~~[illegible]~~ удовлетвореніи ходатайства суда через полтора мѣсяца со дня приговора, так что в теченіе полутора мѣсяцев и я, и мать каждый ~~день~~ вечер ложились с тѣм, чтобы на утро встрѣтить казнь...

Радостно, любовно и весело встрѣтили меня подруги, по возвращеніи из залы суда в тюрьму. Шутили, угощали, баловали меня.. И только впослѣдствіи узнала я, чего стоила всѣм им эта наружная веселость! Еще до возвращенія моего из суда, онѣ, оказывается, узнали от надзирательницы о моем приговорѣ, и со многими из них тут же начались нервные припадки; остальные плакали и

он, приговоренный к смерти, свободно, под своей фамиліей, ~~в родном~~ находится в родном городѣ, гдѣ был суд и гдѣ он хорошо извѣстен полиціи! Таковы эти военные суды!

убивались...
Но меня встрѣтили всѣ онѣ уже совершенно спокойно и подолгу бились...

Милыя!.. как я глубоко благодарна им...

Вставки:

1) Вѣроятно, они оказывали большое умственное вліяніе на моего отца; и я думаю, что под этим-то благотворным вліяніем он и отдал меня в гимназію, так как вообще в деревнѣ дѣвочек очень рѣдко отдают в ученье, а просто готовят замуж.

Transcription in modern orthography of manuscript written in old orthography, but without final hard signs except for cover of notebook and later additions.

Possible chronology and clues to author's identity: T.M. [born c. 1886 or 1887] was 14-19 or so at time of narrative, from spring 1901 [or 1900?]-1906. Came from [wealthy] peasant family with a lavka and a residence in town [Ekaterinoslav] as well as in village, had a brother, who was also eventually arrested; father died 3 years after she started gymnasium following village school. Is in 3d year of gymnasium at start of narrative, when she is 14 [p.2-3]; after events described was not allowed to resume studies. Married at 16 [p.16 (*1903 or 1904?)*] to student who had been her tutor following his return from Siberia after being exiled there in 1902; their daughter Isia, born a year later [p.17 (*early 1904*?)], is mentioned at time of his arrest subsequent to October 17 Manifesto [*1905* (p.18-19)]. Daughter is running when T.M. returns to sick mother after accompanying husband to Siberia (from where he escaped [p.22]), and these and later events confusingly seem to extend over far more than a couple of months, mostly in winter. T.M.'s closed military circuit court trial (along with two other accused) was held while S.V. Aleksandrovskii was governor [of Ekaterinoslav Guberniya (*1st half of 1906); he was assassinated January 1907 in Penza* by "S.-R. comrade" (p. 35)], on May 23 [1906—*doubly confirmed by reference to May starting about a month after Easter (p.48-49), which that year fell on April 2 Julian*], at which time daughter was 2 ½ [p.47]. T.M. got sick towards end of year in prison after trial and was transferred to hospital, from which she escaped [p.44 (*1907?*)]. Her husband's brother, who was also arrested, was able to go on living in his home town because he had been imprisoned under another name [p.56-57].

T.M.

Из воспоминаний русской революционерки

Париж. 1908

1.

Меня попросили написать о том, как я стала революционеркой.

В моем рассказе вы едва ли сумеете найти какой-либо порядок в умственном моем развитии: его не было.

Сама жизнь толкнула меня в ряды борцов, а память о них всегда была моим святилищем...

Я стала простым работником, и—все.

Началось это так: я выросла в семье крестьян; кругом меня были крестьяне; я любила и люблю их, и умела с ними жить. Когда я кончила сельскую школу, отец мой отдал меня (и брата) в гимназию в город. Через три года отец внезапно умер. Мама совсем растерялась. Работы было ей много; нам она дала полную свободу; мы с братом исполняли только домашние работы: доили коров, помогали сготовить обед и торговать в лавке.

Отец мой не расставался с книгой целыми днями, а иногда и в кровати

2

засыпал с ней. Я, очевидно, унаследовала от него эту привычку и читала все, что попадется под руку. Была у меня знакомая (через отца) семья, где жили студент и барышня, умные и развитые. Оба часто спорили с моим отцом: о чем и из-за чего, - я не знаю.[1]

2.

Я - в третьем классе. Началась весна: надо готовиться к экзаменам. Тем временем подошла и Пасха. В деревне все весело и живо. Молодежь вся на улице: живет и веселится во всю, пока нет полевых работ; а как начнутся они, тогда с зорькой, рано - в поле, и поздним вечером домой: не до веселья будет...

В городе у меня уже были и свои знакомства, но бывать я там не любила. На Пасху я отправилась в город поздравить своих знакомых с праздником. Один молодой человек подошел ко мне и стал меня спрашивать, знаю ли я кого-нибудь из соседних сел. Я удивилась этому вопросу:

3

-«Конечно,- ответила, -многих знаю; но если кого и не знаю, так там легко разыскать кого угодно.» Тогда он попросил меня передать одному крестьянину небольшой сверток. Я взяла и сказала, что завтра передам. Пришла я домой, переоделась, позвала с собой одну подругу, и мы отправились тотчас же в соседнее село. Там я нашла нужного крестьянина и отдала ему сверток. Он пошел даже нас провожать; рассказывал, как у них проводят праздник, и пригласил меня к ним на ярмарку: ~~сказав~~ –«скоро, -говорит, - будет!!» Это было в конце апреля. Вдруг, в первых числах мая, на заре, пожаловали жандармы, окружили весь дом, обшарили все углы, перепугали бедную маму до смерти и уехали, ничего ей толком не сказав. «Ничего противозаконного не было найдено,» – так значилось в протоколе. Да и не мудрено: мне тогда было только 14 лет. Меня во время обыска даже и дома не было: я гостила у подруги. Утром я заявилась домой. Иду по саду, как ни в чем не быбало.

4

«Что, – думаю, – за история? Народ на меня, как на чучело, смотрит?..» Прихожу домой, вижу - мать растерянная, вся в слезах.

–«Что с тобой, родная?»

–«Обыск...жандармы,» лепетала она, обвив мою шею руками...Боже мой!.. Мне страшно стало за маму; она только начинала успокаиваться, и вдруг – опять горе...Кое-как успокоив ее, я пошла в свой любимый угол сада и стала размышлять, зачем бы я нужна была жандармам?..Не знаю...Дуамала, думала, да и махнула рукой. На другой день пошла в гимназию, но меня уж на дороге предупредили, чтобы я скорей брала бумаги у начальницы и попросила отложить мне экзамены на август. Делать было нечего. Пошел хлопотать один студент. Мне быдала начальница

---

[1] *[см. конец, стр. 58]*

бумаги и тихонько сказала: «Вам так лучше будет; а то бы ведь все равно исключили...» Так было кончено мое учение в гимназии.

5

3.

Лето, два месяца, провела я хорошо, в полном неведении о том, зачем я нужна была жандармам; ну, а потом и совсем забылась, и думала только о том, как бы мне не провалиться на экзамеме. «Для мамы это будет плохо.»...Вдруг, в августе приехал урядник и привез повестку: пожалуйте на допрос. Иду я. За себя покойна, но боюсь за мать, и ничего не сказала ей...

Большая канцелярия завалена книгами: все законы для острастки невежд. Я вошла. Меня посадили. Сначала стали говорить, что я - такая маленькая еще, а вот, -мол,- какими делами занимаюсь... Я молчала...Потом говорят: «Ведь вы с матерью-то что делаете?» Этого было довольно, чтобы меня вскипятить. Я вспыхнула и готова была начать биться головой об стену...Я с матерью что делаю?...Да я ее люблю; и ни когда я ей смела даже ответить отрывисто...

Когда я шла к жандармам, то мне

6

строго наказали ничего там не говорить, что бы они ни спрашивали. Дошла я в этом до смешного: отвечаю на все «не знаю» да «не знаю». Тогда меня просят хоть записать, что я говорю. Я боюсь. Но, наконец, им удалось убедить меня. Я пишу: «такого-то не знаю; об этом и не слыхала» и т.д. Отпустили меня домой. Но потом - опять к жандармам, на очную ставку в деревню, с крестьянином, которому я отдала пакет. Он (как это оказалось) сказал на меня, что прокламации принесла я...И началась с этого дня для меня мука. Экзамены, конечно, рухнули, ибо в день экзамена я была у жандармов, и меня уже обвиняли, как политическую преступницу...

4.

Прошла беспокойная зима. Мне уж не позволили жить в деревне. Я живу в городе, вместе с мамой, которая переехала туда же по делам: у нее здесь был свой дом. Тоска; слезы; и какой то внутренний червь поселился и гложет меня.

7

Но, с весной я как бы проснулась и надумала заниматься. Хотела я экстерном держать экзамен на учителницу.

Вдруг, в мае же сделали обыск в городе. Приехали в 8 часов утра, а к 10ти пригласили меня придти в жандармское отделение. Пошла я, и назад уже не вернулась: меня повезли в тюрьму. Ничего у меня найдено не были; допрос был самый поверхностный. В этот раз меня стали обвинять в том, что я вместе с другими разбрасывала по городу прокламации. Но я на самом деле не знала даже, были ли они действительно разбросаны, а не только что участвовать.

Приехала я в тюрму с жандармом. Я ходила еще тогда в коротком платьице. Привели меня в контору тюрьмы, записали что-то в книгу, спросили о чем-то, не помню теперь о чем... Комната канцелярии - мрачная, сводчатая и с громадным решетчатым окном. Из канцелярии меня

8

повели в камеру. Ах, эта камера!.. На всю жизнь оставила ты память по себе; и теперь пишу я, вся дрожа, и руки холодеют... Казалось бы, пора позабыть, то-ли еще было потом?? Но нет... Громадная камера. В ней помещают сорок, а иногда и больше женщин, а меня посадили одну. Скрипнула дверь; щелкнул замок, и - я одна, среди грязи... (Камер таких теперь, кажется, для политических одиничек уже не существует: я, по крайней мере, ничего подобного больше уже не встречала). На громадных нарах лежит соломенный тюфяк, и это - все, если не считать маленького переносного столика. Два больших окна, с ржавчатыми решетками и прокопченными стеклами. На подоконниках этих окон я могла свободно стоять, за что, однако, мне не раз доставалось. Столик выл ниже нар. Окна до половины были забиты еще досками, чтобы из камеры

9

нельзя было видеть, что делается во дворе (камера была в нижнем этаже). При открывании окна, рамы упирались в эти доски, образуя что-то в роде темного четыреуголного ящика... Грязь в камере была прямо невероятная... Чего я только не видела там?. Клопы; блохи; тараканы, пауки и мокрицы; крысы и мыши; и многжество каких-то еще совершенно неведомых мне существ, оказались моими товарищами по заключению. Когда я в первое же утро поставила на столик горшок с молоком, присланный мне матерью, то через час-два молоко было сплошь переполнено всевозможными насекомымами, так что его нельзя было пить... Когда наставала тишина, то все мои товарищи выползали на свет и смело распоряжались камерой... Но нет! Вы не можете себе представить, что это было... Только русские революционеры могут себе ярко и живо нарисовать

10

эту картину...

Войдя в камеру, я сперва стояла как истукан. Я не понимала еще своей участи. Потом вдруг разрыдалась и не помню, что было дальше. Впоследствии мне рассказывали уголовние, что начальство приходило ко мне ночью и все слушало, что я буду говорить... А я только стонала и все хотела уйти вон...

Так было в течение всей недели: я плакала, рвалась вон и совсем перестала спать: только под утро засыпала. Но и у жандармов, видно, совесть заговорила: они дали мне через три дня свиданье. По каким статьям закона сделали это?.. Или из сострадания ко мнне, как к политической преступнице?... Нет, тысячу раз нет!.. Им было стыдно: они взяли ребенка и бросили его в тюрьму. Ведь они, все-таки, ~~среди~~ живут среди общества: ну, совесть и проснулась... Теперь

11

этого не ждите: то-ли еще бывает у нас?...

5.

На свиданье пришла мама со знакомой и брат. Принесли мне много конфет (это была моя слабость), но и конфеты в этот раз не порадовали: я взглянула на мать – она вся дрожала; глаза у нее покраснели - как видно, от слез; ~~совсем~~ она совсем не могла говорить... Брат тоже волновался...говорила только знакомая дама: она успела шепнуть мне, что жандармы обещали меня выпустить за тысячу рублей и с медицинским свидетельством о болезни. Все эти условия уж выполнены ... Дальше я разговора не помню, ибо у меня из головы не выходила мать: то она бросится ко мне, как бы что-то хочет сказать; то опять сядет на стул и старается улыбаться...Но все было не то; так она и ушла, ничего мне не сказав...Да, по правде сказать, это и лучше было: даюот вам ограниченное число времени, и у вас все время

12

на уме, как бы чего не забыть и успеть как можно больше сказать, а в результате – ничего!.. Свидание кончено; их выводят...Я бросилась тоже на крыльцо тюрьми, но здесь меня удержал жандарм. Вот мать делает несколько шагов к выходным воротам; видно, что ей трудно; знакомая взяла ее под руку...Вот вдруг она оглянулась: мелькнуло передо мною ее лицо...все в слезах...Вот она махнуа рукой и – исчезла за воротами...Что это было?...сон или действительность?..

В детстве я часто одна, в поле или в лесу, встречала восход солнца и закат. Так и теперь я как-бы стояла среди лучов и любовалась закатом солнца...Но вот оно закатилось, оставив только яркую полосу света, - яркую, но нежную, мягкую, властно зовущую куда-то вдаль, манящую и негой, и нежностью своей... И с закатом солнца стала сгущаться тьма, и в сердце говорит какая-то грусть - «прошлого дня; не вернуть! Будут, может быть, лучшие дни; будут и худшие, а прошлого не вернуть...» Я видела людей родних

13

мне и либимых; я прочла в их глазах, что у них неть мне упрека, и на душе стало как-то светлее, и нет отчаяния; есть только тихая грусть, что я боль внесла в душу матери...Тепер я не скажу, конечно, чтобы я боль несла ей, ибо ни я, ни она не виноваты, а виноваты условия ~~в этом~~. Но тогда я еще не могла разобраться в этом. Мать ушла. Увижу ли я ее снова?..

6.

В субботу в неурочное время явилось тюремное начальство; просит вещи собрать, а самой последовать в контору. Я вся дрожу и волнуюсь...Что там ждет меня? Снова ли допрос, или еще что?..

Вот уже я в конторе. Вещи все принесены сюда же. Ждет жандарм...Отворили ворота; быстро подъехал извозчик; мы сели с жандармом и помчались. Остановились у крыльца Жандармского Управления. Двое жандармов уже отворили дверь, и я прохожу сквозь строй.

14

Бегло осматриваю комнату, ища глазами мать. Но ее нет. Внутри что-то упало и замерло, нервное состояние сменилось апатией...Я сижу минут пять; но как мне кажется это долго-долго!..Вдруг, отворили дверь, и я вижу мать...Она – сияющая и взволнованная от радости...Ей дали подписать

бумагу, где значилось, что она берет меня на поруки, и если я куда-либо исчезну с лица земли, то она лишается залогу, тысячи рублей. Затем следовала строгая и внучшительная речь жандармского полковника, и после этого напутствия, спрыгнув почти разом со всех стуненек лесенки, я – свободна...Меня обдает городской шум, гам и людская болтовня. Как все странно, но удивительно мило и дорого, - все-все: грязные закоулки, заборы, чумазые мальчуганы!.. От всего я прихожу в восторг и чуть не бегу. Мать еле поспевает за мной...Я болтаю с нею без умолку, задаю вопросы и не получаю ответов...говорю без конца...Чуть

15

ли не в этот же день я обегала всех своих подруг; на третий день была в лесу и на реке; купалась, правила сама лодкой, смеялась и болтала без конца...

7.

Прошла неделя, и на смену первого повышенного настроения явились упадок сил и удручающее состояние духа: я плохо ~~спала~~ сплю; говорю по ночам; иногда плачу...

Это длилосъ недели две; все думали – пройдет...Но пет!..Я позабудусь на день, на два, а потом – снова «хандра»... Мать, видя меня такой странной, испугалась: от природы я была жизнерадостная и шаловливая девочка.

Пошли к доктору. Тот сказал, что надо лечиться, и стал меня лечит электричеством и всячески развлекать. Но мать – родная хорошая мама – она не могла мне дать развлечений, ибо она их сама не знала...

16

8.

Стала я немного поправляться и опять начала учиться. Я любила математику. Познакомили меня в это время со студентом X, который мне давал уроки, а впоследствии стал моим мужем. Замуж вышла я, так. обр. [*таким образом*], очень рано: 16 лет. Мама не хотела, чтобы я так рано выходила. Но я настояла, и она согласилась. Надо заметить, что мне не позволили держать экзамен и объязали подпиской о невыезде из города. Потом, через несколько месяцев, пришел циркуляр от М.В.Д. Плеве с приказом отдать ~~меня~~ под надзор полиции на 3 года без права поступления в каие бы то ни было казенные учебные заведения, да еще отсидеть 2 или два с половиной месяца в тюрьме.

9.

~~Почему я так рано вышла замуж, я не знаю. От того ли, что дума моя болела, а мама не знала, как ее залечить?...Или это был просто~~

17

~~юный порыв?...Не знаю...xxxxxxxxxxxx уxода...~~

Через год у меня родилась дочь.

Муж мой ~~был славный, необыкновенно добрый человек и любил меня. Он~~ был вполне уже убежденный человек, побывал в Сибири (в 1902 году многие студенты были туда высланы в административном порядке за студенческие волнения), успел вернуться обратно. Но месяца за три до свадьбы он был снова арестован, просидел 1 ½ месяца «в порядке охраны» и затем снова был выпущен. Вообще говоря, жизнь его была и после нашего брака полна тревоги: то напряженная работа и продолжительное отсутствие из дому: то опасение ареста и необходимость скрываться; то - опять арест и несколько месяцев тюрьмы...Наконец, он должен был совсем бежать из дому и жить в другом городе на нелегальном положении (т.е. под чужим именем с фальшивым паспортом, как это вообще приходится делать скрывающимся русским революционерам.)

Таким образом, мне жилось скверно, тяжело и одиноко. Главное, что меня мучило, это -что

18

муж мой не имел возможности учить меня, помочь мне продолжать мое образование, чего мне страшно хотелось и на что я надеялась. У него могло бы хватить времени помочь мне в выработке моих убеждений, что он и делал; но мне хотелось продолжать обучание ~~грамотности и систиматически знятия~~ грамоте и систематические занятия элементарными предметами; а это было для него, при его жизни, совершенно невозможно...

10.

Грянул пресловутый манифест 17ого октября *[1905].* Муж мой возвращается домой (с нелегального положения) и - что же?.. Не успели еще лужи крови высохнуть на мостовых, как «им» понадобились новые жертвы: после массовых избиений, снова начались аресты. Ночью явились и к нам жандармы. На стук ~~в дверь~~ я подумала, что брат вернулся откуда-нибудь; иду преспокойно ~~ему~~ отворить ему дверь. Вдруг, вижу в окно целую кучу людей. Спрашиваю:

19

-«Кто?»

-«Полиция; откройте дверь...»

Отвечаю, что я не одета; на это мне ~~заявляли~~ заявляют, что если я не открою тотчас, то они выломают окно. Пристав дает слово войти после того, как я уйду к себе. Я открываю дверь. Меня в один миг окружают, и я - в кругу мужчин, в одной рубашке, и не смею уйти без разрешения.

Обыскали всю квартиру. Ничего не нашли; однако, мужу моему приказано было одеваться и следовать за ними. Он запротестовал: просит показать постановление губернатора об аресте. Ему дают. Он читает:

«Произвести у такого то обыск и, в случае обнаружения чего-либо преступного, - арестовать.»

«У меня же ничего не найдено,» - говорит муж. Ему спокойно возражают на это: «У нас есть еще секретное предписание... Пожалуйте за нами»... Поцеловав спящего ребенка, он ушел. Я

20

осталась опять одна, со своими думами и печалями...

11.

Через месяц слышим, - всех арестованных высылают административным порядком в Сибирь. Я, вскоре после ареста муж, заболела и лежала в больнице. Услыхав, что им предложено готовить на всякий случай теплую одежду, я вышла из больницы и принялась за хлопоты: стала добиваться у губернатора, чтобы мне сказали, куда будут высылать, ибо я хочу ехать с мужем. Но мне не говорят ничего определенного до последнего дня. Накануне, после усиленных хлопотов, мне удалось добиться указания, что их везут в Сибирь, в Тобольскую губернию, а куда именно, так и не сказали.

Между тем, Тобольская губерния велика (больше, напр., чем Белгия, в два раза) и, потому, раз разнообразна в климатическом отношении.

В день отправки я пришла в тюрьму и «заарестовалась», т.е. я выразила желание ехать добровольно с мужем в Сибирь.

21

Повезли нас в арестанских вагонах, и мне не позволили даже проститься с матерью на станции...

Из города нас выехало 11 человек; но по пути, с каждым новым городом, люди все прибывали и прибывали. К Челябинску политических набрался уже полный вагон, не считая уголовных: спали на лавках, на полу и под лавками, ибо места ~~не было~~ не хватало.

В дороге я схватила ангину и расхворалась в конец.

Прибыли мы в Тюмень; а из Тюмени до Тобольска нужно было идти пешком две недели. После протеста нам, однако, дали лошадей.

Морозы стояли лютые: 35°-40°. У некоторых совсем не было зимней одежды, ибо они были увезены столь неожиданно, без предупреждения, что просто не успели запастись теплым платьем: им ничего не говорили и, вдруг, увезли, в чем были. Арестантские полусубки, вонючие и грязные, помогают мало. Холод, грязь, а порой и

22

голод (немного ведь можно достать на 10-15 коп. в сутки, выдаваемые политическим) - были все время нашими спутниками.

Подъезжая к Тобольску, я уже лежала. По прошению мужа и с разрешения М.В.Д., назначили консилиум врачей и решили, что мне до севера не доехать: оставили нас, т.е. меня с мужем, в самом городе до поправления моего здоровья.

Месяца через два я поправилась. Но в это время мне написали, что мать моя сильно больна, а мужа должны были вот-вот выслать на север. Я решила ехать к матери...

Через неск. дней он бежал обратно, в Россию, а я поехала домой, к матери...

12.

Мать я застала еле живой. Девочка моя уже бегает. Я снова дома, но отрады здесь мало: девочка моя больше привязана к моей матери, чем ко мне: зовет ее мамой, а меня – по имени. Я чувствую себя как-то словно лишней; и снова что-то жжет и гложет внутри, и моя раздвоенная душа непокойна. Нет у меня как-то ни настоящей

23

семьи, ни настоящего дела; и существование мое тянется как то без цели... Учиться не с кем... Тоскливо...

Между тем, революционная молодежь настроена бодро и готовится к бою; и я уже сознательно кидаюсь в ее рады. Жизнь повседневная, мелочная и будничная меня не удовлетворяет, а другой - я не знаю.

Борьба за лучшее - мне по душе. Судьба меня не баловала: она слишком рано показала мне изнанку жизни; а в руках у меня не было оружия, кроме жизни моей собственной: и я решила отдать ее за это лучшее будущее...

Здесь начинается сплошной кошмар: ужасный, тяжелый кошмар, длившийся три месяца до моего ареста и после - до настоящих дней... Мне как-то больно говорить о нем и не хотелось бы... Ну, да если уже начала... Впрочем, о самой моей революционной деятельности за эти первые 3 месяца я, все-же, умолчу...

24

13.

Я - в квартире врача, в чудном сосновом бору; недалеко - старый монастырь...12 часов дня. Я ~~собралась~~ собираюсь уехать, и вдруг — весь дом окружен полицией. Входят несколько человек, во главе с исправником. Я стою в зале. Не входя в нее, исправник, окруженный стаей охраны, кричит мне:

—«Если только будете стрылять, то знайте – от этого дома не останется камня на камне.»... Я молчу.-

—«Ваш брауниг!»... Я молчу. -

—«Ваш браунуг!»... И ни одного шага вперед: стоят, как вкопанные, на пороге, и требуют браунинг...А есть среди них детины - косая сажень в плечах; да ведь притом все с винтовками за плечами...

Я оглянула себя: у меня ничего в руках нет... И мысленно (и взглядом) я в эту минуту презирала их больше, чем когда-либо прежде: трусят... и кого? Женщины!..Да еще целая стая...

25

Наконец, я жестом показала, где браунинг, а сама ушла в себя. Мне кричат уже совсем смело: «Вам вид, паспорт... Кто вы?»... На это я отвечаю:

-«Раз вы арестовываете, - очевидно, знаете, кого»...Он вызывающе бросает мне в лицо, кто я и в чем обвиняюсь...

Я не ждала этого: меня, как громом, ударило и оглушило. Но я держусь крепко; ничего не говорю... Только признала своим браунинг, в котором не хватало одной пули...(Эта недостающая пуля никакого отношения к самому делу не имеет: утром в этот день я выстрелила его на пари в цель).

Кончился обыск квартиры и личный – мой. Меня уводят. Кругом – стражники с винтовками. Я иду. Вечер, чарующий своей влагой и ароматом сосен. Свежо. Я мысленно прощаюсь с природой и шлю привет близким.

14.

Ввели меня в какой-то дом, состоящий

26

из маленьких клетушек. В одну из этих клетушек попала и я. В ней – крохотное оконце. Нары. От них один шаг до двери с глазком. Около двери – дежурный с винтовкой; около окна – тоже. Осталась я одна; стала думать...Стража сильная; повидимому, какие-то строгие инструкции даны...Вдруг, во весь рост стала переду мною мать моя с моим ребенком на руках. У меня закружилась голова, и мысль заработала болезненно быстро. Я вся сжалась; я хотела утонуть в слезах, лишь бы не видеть и не думать о них...Нет ни слез, ни сил, чтобы заставить воображение переменить картину. Полный ужас охватил меня всю, я перестала понимать окружающее. Кто-то кладет мне руку на плечо и говорит:

-«Вы что-то хотели сказать...» Он повторяет это несколько раз, но я хоть и слышу, но не могу понять смысла...Очнулась - передо мной квартальный. Дрожь пробежала по всему телу. Я отошла

27

в угол... «Хе-хе-хе,» старчески смеялся квартальный: - я ведь вам добра желаю..Вот молоды да зелены, а куда лезете...А теперь мать-то страдай!...Ну что же?...Может, что-нибудь Вам надо будет, - так Вы говорите: ведь я никому не скажу....Вот вам бумага, карандаш...»

Разговор этот происходил ночью; я, как ни растеряна была, но сообразила, что никакие писания мои не дойдут даже до матери...Эта хитрость пущена была неудачно. Я ничего не писала.

15.

Во всю ночь я не спала, и все-же не знаю, о чем думала и что чувствовала...Знаю только, что не плакала.

На утро меня куда-то повезли.

Ехали на двух тройках: впереди - я со стражниками; сзади - исправник со стражниками же. Все время исправник держит в руке револьвер. Погода мерзкая: снег летит и тут же тает...

28

Так проехали мы сорок верст. Я промокла до костей: на мне ничего не было, кроме кофточки на вате.

Приехали в городок. Меня привели в Полицейское Управление. Я требую переодеться, ибо у меня зуб на зуб не попадает; не позволяют:-

-«Надо сначала Вас обыскать»...

Жду, - все нет и нет. Наконец, явились несколько женщин. Раздели до гола. Я им говорю, что ведь я раз уже обыскана, - чего им еще надо?...

Оделась я потом в полусухое белье, которое со мной было. Хотелось броситься куда-нибудь в угол, заснуть, забыться... А там – пусть хоть завтра же растреляют!... Тело все горит. Голова – тоже. Внутри – жжет от голода. Думаю: только бы скорее попасть в тюрьму; там бы я осталась хоть на пять минут одна... Нет, не везут...

Допрашивает меня исправник. Я на все даю отрицательные ответы. Хотела я было просто сказать ему, что он не имеет права

29

мучить меня допросами, ибо на это у нас есть следователь. Но мне так хотелось скорей отделаться от него, что я больше молчала, и язык мой как-то не поворачивался...

Я не могу теперь передать всего того, что переиживала я в эти немногие часы... Да и разве могут слова выразить всю измученную душу? ~~Вот~~ В этой тюрьме много было пережито всего, вплоть до сознания, что завтра меня могут застрелить.

Так почти и было один раз: ~~дает~~ на прогулке, вдруг, сзади меня раздастся выстрел. Я замираю на месте, не оглядываясь:

- «Жива еще... - Мамочка, Ися, прощайте,» проносится в мыслях...

Второго выстрела не последовало. Я оглянулась – стоит предо мной страженик и заявляет, что, мол, «испужились, - это ничего: нечаянно, - говорит, - замок сорвался, ну и выстрелил»... Было ли действительно так, или он стрелял умышленно - я не знаю...

Через неделю пошла я по ~~этапам~~ этапу. Месяц шла по разным тьюрьмам, тогда как можно

30

было довезти до места по железной дороге в 30 часов. Шла я с уголовными арестантами. Чего только не наслушалась. Обилен наш русский язык выражениями, но я нигде не слыхала ни в деревне, ни в городе, даже от пьяных людей, того, что здесь говорилось. До сих пор я не знаю, к чему же все эти слова отнести и какое им ~~значение~~ придать значение. Я уже не говорю о грязи и о фамилярности в обращении.

На одном этапе ко мне ночью вошел старший конвойный и ~~заявляет~~ заявил, что он желает остаться на ночь у меня:

«Веселей, - говорит - будет»...

И уж старается обнять меня... Я крикнула на него, чтобы он вышел вон, или я буду кричать... Он мне спокойно заявляет:

«Чего кричать-то? Ведь все-равно растреляют»...

Я задыхалась от злобы и полного бессилия своего. За стеной были уголовные мужчины. Он мог бы сделать все, чего только захотел бы... В эту минуту он почему-то повернулся и ушел. В эту ночь я рыдала как безумная, и днем ничего уже не могла есть, и едва держалась

31

на ногах.

Этот конвой передал меня на станцтии ж.д. другому. В вагоне я встретилась с товарищем политическим, который дал мне денег, книгу и газету. Привет тебе, товарищ, и большое спасибо... Но ни книги, ни газеты мне не суждено было прочесть. Вышли мы на одной станции, и опять повели меня в какую-то избу. Пришли. Вдруг конвойный говорит: —«обыскать тебя надо»...

-«Почему, - спрашиваю: ведь вам передал же меня конвойный»?...-

-«Обыскать, тебе говорят!»

Я даю свой узел, где было немного белья и книга с газетой:

-«Пожалуйста...»

Это «пожалуйста» почему-то обозлило конвойного.

-«Без всяких «пожалуйста»! Вот еще тебя-то обыщу.»...

На это я возражаю:

-«Позови раньше женщину, а тогда ~~потом~~ и обыскай»...

Он как крикнет:

32

-«Руки вверх!»

Я не поднимаю. Он еще раз повторяет. Я не поднимаю. Тогда он бросается ко мне и начинает своими руками водить по всей моей фигуре и перебирать юбки.

Я стояла и ждала чего-то ужасного...Но оно не произошло. Он отошел, взял книгу и газету и начал меня ругать...

17.

Всю ночь я ~~не спала~~ просидела на скамейке, облокотившись на свой узел. Это – уже вторая ночь без сна; и рачьше-то приходилось засыпать не надолго, а здесь – совсем перестала спать. Да и долог мучит: чтобы что-нибудь купить, надо просить конвойного, разве я могу хоть слово сказать с ним?..

Приехала я в С-кую тюрьму, где вызвала конвойного офицера и передала все, что со мной было в дороге. И знаете, что он ~~сказал~~ мне ответил?...

-«Свидетели у Вас есть? - Арестант не может быть свидетелем...»

33

Конвойные, значит, оставались... Но разве они станут говорить на самих себя?.. Я возразила:

-«А имеют ли право присутствовать на суде в качестве свидетелей стены изб?»

-«Так берите свои слова обратно...Или Вы будете отвечать на суде за за клевету»...

Я слов, конечно, обратно не взяла...

18.

Наконец-то меня переправили в К-скую тюрьму. Здесь явился ко мне следователь. Значит, до суда буду жива.

Начались допросы: после целого месяца полной неизвестности, мне предъявляют моего брата и одного знакомого для опознания и с целью вызвать меня на разговор.

Брат успел сказать мне, что он приехал на свиданье ко мне, и его тотчас арестовали; что мама уже поправляется; Ися (дочь) здорова... Самому ему удалось доказать свою непричастность тем, что он лежал в то время в больнице: ему делали операцию...

34

Следователь, поэтому, отказался обвинять его, и его освободили очень скоро. Впрочем, жандармы снова арестовали его через три дня и сослали административно в Сибирь на 3 года.

Неожиданное свиданье с братом вызвало у меня истерический припадок: я начала рыдать. Брата увели, и я не успела сказать ему ни одного слова о том, что со мной было. Допроса не отложили, а приступили к нему тут же: мне задают вопрос за вопросом, но, видя, что я не могу выговорить ни одного слова, зовут фельдшера и дают мне валеряновых капель.

Я немного успокоиваюсь. Допрос продолжается. На все заданные вопросы я заявляю, что отказываюсь отвечать, и к этому заявлению добавить ничего не могу. Однако, следователь не унимается: тащит ко мне какого-то мальчика 15-17ти лет. Тот ~~устанавливается~~ уставился на меня, долго ~~смотрит~~ смотрел и отошел ко всей кучке, где находился сам следователь, исправник и какой-то военный, офицер. После этого меня, наконец, выводят.

35

19.

Каждый почти день являются ко мне все новые и новые лица, во главе с жандармом: все они осматривают меня и потом уходят. Так было до 1-го декабря. К этому дню следствие кончилось.

Один раз за все время приезжала ко мне на свиданье мать. Свиданье это я не могу описать..

Наконец, в первых числах января везут меня в губернский город – судить.

Надо заметить, что сначала нас хотели судить простым окружным судом; затем - судебной палатой; и, в конце концов, решили предать суду Военно-Окружному (по особому ходатайству ~~г. Александровсккго,~~ губернатора*). *[Wikipedia:Сергей Васильевич Александровский, в 1906 был назначен губернатором в Екатеринослав (Днепро), а 1 июля перемещен в Пензу, где 25 января 1907 погиб от руки террориста]*

Отвратительно было то, что этот господин систематически мучил мою мать своими увещеваниями, вызывая ее к себе в канцелярию и по полчаса доказывая ей, что чуть ли не по ее вине дочь ее будет теперь повешена. Зачем-де она выдала меня замуж за революционера?... Он умудрился даже пальцами показать ей, как я буду в воздухе болтать ногами...

---

*убитого впоследствии за зверские расправы с крестьянами товарищем с.-р.

36

Увы, не осуществилась его мечта: не дает ли он теперь сам ответа за все страдания засекаемых крестьян и за муки матерей?...

20.

Везли нас в ~~город~~ губер. город троих: меня и еще двух мужчин: одного – товарища, а другого – того самого мальчика, который всех выдавал...

Ехали мы на лошадях, под охраной 26ти человек: девятнадцати пьяных казаков и 7и солдат.

Мужчины сидели на одних санях, скованные один с другим за руки (левая с правой); мороз был ужасный, и оковы жгли им кожу. Я была одна в других санях, в кругу солдат и казаков. Это была пытка невыносимая; все хотела я броситься под казацкую лошадь, хоть и знала, что этим ничего не достигнешь: умереть не удастся, а калекой наверное буду. Солдаты все же лучше, чем казаки: что они мне говорили не дай Бог никому слышать!.. Сначала были ужасные комплименты; ~~затем – грубые ласки~~; потом –

37

отвратительная брань, насмешки и циничная оценка меня; подвигание поближе ко мне и заглядывание мне в лицо... Может-быть, было бы и больше, если бы я была ~~одна~~ во власти одних только казаков; но здесь, слава Богу, были и солдаты, которые отвечают за арестованного; при этом, солдаты наши были немного лучше тех, с которыми приходилось мне до сих пор встречаться; но сделать для меня хоть что-нибудь лучшее они не могли при всех этих пьяных зверях...

Я всю дорогу была нема как рыба...

21.

На одном из этапов нас поместили в избу, в две различные комнаты, разделенные средней кмонатой, где разместились солдаты.

Печи натоплены были до того, что нельзя было притронуться к ним; а в комнатах все-таки холод невозможный: помещение дырявое; печи топятся один раз в неделю и

[38-39 пропущены] 40

закрываются рано, с головнями вместе: дым, чад носится по комнате...

Мальчик наш ~~так~~ вскоре угорел так, что его начало тошнить; он просил, чтобы его вынесли на воздух, но никто не обращал на это никакого внимания. Он срал плакать и проситься хоть в комнату к конвойным, где все время открыта была дверь, и воздух был свежый.

Наконец, кто-то из солдат сжалился над ним и дал ему снегу... Мальчик мучился ужасно: выдав всех своих товарищей, он все время боялся мести, боялся отравления ... Жандармы, несмотря на обещание облегчить его участь, нисколько не пощадили его. Участь его была ужасна. Угорел он положительно до полусмерти: метался, кричал, молил ... Все напрасно. Так его и на место привезли совершенно больным...

Я от угара чуть не падала, но молчала... Наконец, мы в вагоне. Окна – с решетками; конвойные, солдаты ... Но здесь я, может быть впервые после своего ареста, вздохнула

41

Свободно: Нас оставили в покое; ручные кандалы с мужчин были сняты; к тому же, здесь были еще другие политические; говорили мы - о чем хотели; никто не мешал нам...

Но часы летели, и близок был конец мимолетному душевному отдыху.

22.

Вот и город, милый, родной город!... Зачем не свободною я вошла в тебя?... Опять казаки. Новый конвой припял нас грубо: выстраивались мы как солдаты и даже мне кричали:

-«В затылок, в ногу»...

Увы, этого они от меня не добились: я путалась в своей меховой шубе и ничего не видела... Была ночь, морозная и звездная... Огни; шум; крик; топот лошадей... Я забыла, что это – родной город: лишь бы скорей добраться до тюрьмы: может-быть, удастся на время успокоить наболевшую душу...

42

Пришли. Было 11 часов ночи.

Отворили дверь. Сначала я миновала темный корридорчик, а затем очутилась в камере.

Стою я у порога, и вдруг – слышу: Варя приехала. Ко мне бросается Катюша, девушка лет 18-ти. Я знала ее немного на воле. Однако, я не скоро стала отвечать на вопросы. Меня поразила чисто-семейная обстановка этой общей камеры: большая комната, с громадными нарами по обеим сторонам; по средине - огромный стол; на нем – пузатый самовар; возле лежит хлеб, сахар и котлеты. На нарах – подряд лежат женщины; некоторые накрыты одним одеялом сразу; многие уже давно спят...

Меня спрашивают, не хочу ли я есть. Я принялась за еду с большим апетитом; ела все, что мне давали... Потом – сама стала болтать без умолку, даже с некоторым юмором. Однако, слушательницы мои заметили, что я ужасно худа. Скоро меня насильно уложили спать, и хотя

43

мне все хотелось их обо всем распросить, они заявили, что ни одного слова со мной больше не скажут. Делать было нечего. Впрочем, я долго не могла заснуть, так что мне, в конце концов, дали выпить брому.

23.

Часов в 7 я уже проснулась. Смотрю с нар и вижу массу голов. Удивленно спрашиваю:

- «Да сколько же вас тут?»

- «Сейчас 16, а было больше, хотя камера на 8 человек...»

В~~друг~~ эту минуту слышу детский крик. Тут я не выдержала и расхохоталась:

- «Господа, да что это у вас и младенцы здесь сидят?..»

Встали. Я перезнакомилась со всеми. Началось чаепитие. Маленькое кричавшее существо оказалось удивительно спокойной и милой девочкой: ей было всего три месяца, а самой матери – 26 лет. Эта была миловидная блондинка, блиставшая здоровьем свежестью лица, неженской

44

физической силой и железным характером. Мы все с большим уважением к ней относились.

Моя любимая Катя была высокая девушка, стройная, с чудным цветом лица, длиной косой, вьюшимися волосами и большими красивыми глазами. Она была любимицей всей камеры. К сожалению, она страдала эпилептическими припадками. Сидела она раньве всех, уже 7 месяцев. Что это за мука была для нее и для всех нас во время ее припадков!.. Повторились они обязательно раз в неделю, а при неприятностях и чаще. Была у нас еще одна больная; эта уже совсем забывалась, и психически была немного растроена.

Сама я тоже была очень нервная; их припадки заражали и меня, и к концу года сидения в тюрьме (уже после суда) я заболела и была переведена в больницу, откуда впоследствии и бежала.

24.

Из событий ~~этого~~ всего этого года не могу не рассказать об одном аресте семейства ветеринарного врача.

45

Всю семью привезли в нашу тюрьму (мужчин на мужское отдел.)

Ему самому было 50 лет; сыну – 20 лет; двум дочерям – одной 17, а другой – 14 лет. Когда к ним (по доносу) пришла полиция, - дома были две дочери и прислуга. Отца не было. Брат уехал из дома уж пешком ко дней тому назад гостить в именье. Спросили, где брат. Девушка ответила, что его нет в городе. Полиция, не слушая, заявила, что будет производить обыск. Сделали обыск – ничего не нашли и ушли. Старшая сестра, ничего не подозревая, дала адрес брата.

По уходуе полиции, девушки, перепуганые, вопшли к брату в комнату. На столе стояла какая-то корзиночка. Никто ее при обыске не тронул. Сестры не знали, что это такое...

Они взяли ее и вынесли, на всякий случай, в коридор.

Вдруг, снова – полиция, и с большим количеством ищеек. Это второе нашествие

46

было ровно через полчаса, или даже меньше. В этот раз была раскрыта и корзиночка: в ней оказались две бомбы. Полиция, удовлетворенная, захватила с собой и сестер. Позже был арестован отец. Из С-ва был привезен брат.

Брат заявил, что бомбы принадлежат~~ли~~ ему; что ни отец, ни сестры ничего об этом не знали; что дал это ему один товарищ, с просьбой подержать несколько дней, но не пришел за корзинкой; что там было, – он не знал... ~~Старшая сестра привезенная к нам и рассказала нам всю эту историю.~~

Несмотря на это заявление, бедная Соня, старшая сестра, привезенная к нам тогда и разсказавшая нам всю эту историю, томится с тех пор в тюрьме уже 1½ года. Младшую сестру отпустили через неделю; отца – через 3 месяца; а она - сидит... Сидит и брат... Суда еще не было; и когда-то он будет?.. Что эта девушка должна вынести?.. Свеженькая, хорошенькая, с чудными длинными волосами, хрупкая, кака молоденькая ель.. Милое дитя, для

47

отца она была громадным утешением... Мать ~~ушла от них давно~~ (несколько ненормальная женщина) ушла от них давно и оставила их всех еще за долго до этой драмы. Теперь старик иногда сильно пьет – а кто виноват?... И не одна у нас такая драма... Нет ни сил, ни слив изобразить все, что делается у нас теперь...

25.

Вот в такой-то обстановке я жила в тюрьме. Немудрено, что все личные боли, причиненные мне раньше, как-то сгладились до поры до времени... Жили мы все очень дружно. Некоторых за это время повыпустили. Осталось нас 10 человек. Жилось нам сносно. Я виделась со своей матерью раз в неделю, по четвергам. Свиданье давали личное, т. е. без решеток. Приходила ко мне на свиданье и моя дочь, которой было в это время два с половиной года. Весной дочка прожила даже у меня в камере трое

48

суток.

Перед самой Пасхой получила я обвинительный акт. Как ни тяжело мне было сказать матери, что меня судят военно-окружным судом, да еще по 279 статье (смертная казнь), но – делать было нечего: постепенно я стала готовить ее (однажды сказала ей, что меня ждет*).

Тут только она бросилась ко мне на шею и зарыдала. Ей, повидимому, особенно больно было то, что я еще не все знаю, что она знает больше и уже смотрит на меня как на обреченную.

26.

Пасха.

Мы пошли к полуночной служебе в тюрьмную церковь. Все одеты в светлое: у кого белая кодоточка, а у кого и целое платье; даже я, и та забилась на сей день...

На второй день праздника – свданья с родственниками. Мать прислала мне чудных цветов (еще накануне праздника она прислала

---

*Я ~~не знала~~ подозревала, что мать давно все знала, что она виделась с губернатором...Она ни разу не намекнула мне на все это.

49

мне кулич, пасху, конфект, словом – всего, что должно напоминать праздник. Да и все получили что-нибудь с воли, и у нас накопилось такое богатство явств и цветов!.. Мы накрыли свой громадный стол белой простыней, уставили его цветами и нашими явствами; сами все оделись по праздничному, а стриженные из нас даже завились, чтобы придать себе более праздничный вид, чего никогда на воле не делали. И – ликовали!...~~Настал~~

27.

Прошел месяц с небольшим. Наступил чудный май, последний месяц весны... Цветы мы стали получать каждый день... Множество цветов...Груды цветов... Мы не знали, куда их девать и заставили ими всю камеру...

И вот настает 23е число, день моего суда.

У меня всегда была слабость к хорошим духам; к этому дню мамочка прислала мне светлую блузку, беленький галстук и духов...

Но вот, рано утром 23-ого числа, в шесть

50

часов, меня вдруг вызывают к политическому старосте с мужского отделения...

Иду, и – что же?... Товарищ торжественно и волнуясь вручает мне флакон духов и говорит: «Я, по поручению товарищей, выписал вам духи для этого, чтобы ничто не могло Вас огорчить в этот день...» Я была так тронута этим сердечным вниманием товарищей!.. И внутренне дала себе слово: что бы со мной ни было там, на суде, а в стены тюрьмы я грусти не внесу...

Вернулась я в камеру и показала подругам свой подарок... Все переглянулись и были, как видно, тронуты...

Потом все на перебой принялись меня одевать: чешут мне волосы; застегивают крючки, бегают вокруг, и даже прикалывают к волосам черную ленточку... Потом насильно поят меня чаем, кормят яйцами... Впрочем, я от волнения не могла ничего ~~не~~ есть, все давилась, и они бросили, ~~свою~~ наконец,

51

свою затею...

Кончились сборы. Вдруг Ш-ра (одна из подруг) бросается ко мне и вешает на шею свои небольшие часики... Боже мой, сколько здесь было ласки и нежности в каждом слове и сколько

заботы!.. Все стараются скрыть душевную бурю...Все целуют меню, идут провожать... Одна не выдержала: я видела, как она пошатнулась...

Вот – калитка на мужской двор, через который мне надо идти; все провожающие что-то говорят мне, наперерыв целуют... Вот я переступаю порог и ~~вдруг~~ сразу – жутко и холодно стало на душе, словно я очутилась одна в склепе: нет милых лиц и их ласк... Неужто – дума~~ла~~ю – жизнь так быстро уйдет от меня?.. Нет, прочь эти мысли!... Мне еще силы нужны...

Конвой. Лязг шашек. Команда –

-«Становись»...

Я иду рядом с товарищем. Он не скован.

52

Сзади нас идет нам мальчик, бледный, с испуганными глазами... Отворяются ворота, и нас отдает свежим утренным воздухом. Яркое солнце слепит глаза. Налево тягутся сады, утопающие в зелени, а за ними, туда дальше – виден берег родной реки... А еще дальше – синеет свежий лес... Привет милому прошлому детству!.. Река и лес... Я в них росла... Оглядываюсь назад, – нива колышется... И чуть видно село, в котором родилась я... День обещал быть жарким. Вот мы уже входим в город. Вдруг подходит к конвою какая-то молодая девушка и подает цветы.. Конвойный передает их нам. А вот и мама. Ее ведет - та самаяа Катюша, которая была со мной в тюрьме (ее незадолго до нашего суда выпустили на поруки лечиться). Мама бледна и еле бредет.. На ней все надето как будто на скорую руку... Они идут под руку по тротуару, а нас ведут по мостовой...

53

Дорога поднимается в гору. Я вижу – мама чуть не падает, но торопится... Публика присоединяется к ним. Но я уже никого не вижу... Я вижу только мать о понимаю ее торопливость... Боже, не могу... все валится перо из руки...

28.

Вот и суд. Я заранее просила мать не присутствовать на суде; теперь я в последний раз кричу ей:

-«Не ходи! Побудь с Исей...»

Но конвойный попался хороший: в дверях он дает ей подойти... Она крепко целует меня и исчезает...

По лестницам идем куда-то вверх... Привели в какую-то команту. Велика была наша радость: комната эта оказалась выходящей окнами прямо в центр города, в сквер: кучками сидят там люди. Вот они подходят к решетке, и я всех узнаю: вижу даже знакомых из моего села; все

54

приветливо кланяются... Ищу в толпе мать, но ее нет...Неожиданно отворяется дверь в коридор: вижу Катюшу и других подруг. Но – опять к окнам... Смотрю, солнце уже залило все своим светом, и шаловливо играют лепестки на деревьях...Я отдалась на несколько минут созерцанию...

29.

Суда нам пришлось ждать часа два. Товарищ был спокоен; мальчик – болезненно ежился и волновался.

Вот – объявляют: «Ввести подсудимых...»

Нас ведут.

Громадный зал. (Я, надо заметить, до этого не видела залы суда). Помещалось здание суда на горе, самый зал был на третьем этаже. Из него через город видна железная дорога, а еще дальше – громадная поляна, не успевшая еще высохнуть после разлива и блещущая на солнце, словно серебром, своими болотами... За поляной, далеко-далеко, словно темной горой, подымается сосновой бор...

55

Зал суда я я описывать не стану. Скажу лишь, что в нем в стороне стояла группа свидетелей; впереди, за столом, покрытым зеленым скупом, были места для судей; за перегородкой – места для публики, против судей; с другой стороны, против свидетелей – сели мы на скамью подсудимых... Около нас выстроились солдаты с шашками наголо. Перед нами – защитники...

Судебный пристав заявляет, что

«Суд идет»

Публику просят удалиться, ибо суд будет при закрытых дверях. Остались мы, подсудимые, да кое-кто из ~~публик~~ близких родных (каждому из нас разрешили иметь на сиде близких нам родственников, не больше двух..) Остались еще две дамы, жены судей...

Пока судьи усаживались, я стала рассматривать свидетелей: нашла жандарма, исправника и каких-то мужчин.

Затем - начался военный суд, обычный русский суд с заранее приготовленным

56

приговором...

30.

Весь суд является, таким образом, сплошной комедией*, и описывать его я не стану. Помяну лишь, что сколько-нибудь веских улик совершенно не было; что мальчик, показавший – сначала против нас, взял все свои показания обратно, как вынужденные угрозами; что юридически – полное оправдание было ~~возможно~~ совершенно очевидным; что защитники прекрасно выполнили

свой долг, и что, несмотря на все это, решение было вынесено быстро и категорически: Признать виновными всех подсудимых.... Такого-то (товарища) и (такую-то/меня) – лишить всех прав состояния и предать смертной казни через повешание, а такого-то (мальчика) лишить прав и сослать в каторжные работы, сроком на 15 лет. При этом суд постановляет, в силу смягчающих вину обстоятельств, ходатайствовать перед главнокомандующим

---

*Для характеристики суда достаточно сказать, что он, суд, признал виновным также брата моего мужа, который (брат мужа) был арестован за 1-2 месяца до ~~указанного~~ инкриминнируемого нам преступления, а во время суда еще сидел в тюрьме но числился на суде не разысканным: он сидел по чужому паспорту. Теперь он, приговоренный к смерти, свободно, под своей фамилией, ~~в родном~~ находится в родном городе, где был суд и где он хорошо известен полиции. Таковы эти военные суды!

о замене смертной казни 15-тью годами каторги. Эта замена и была произведена, причем – маленькая подробность: объявлено мне было об удовлетворении ходатайства суда через полтора месяца со дня приговора, так что в течение полутора месяцев и я, и мать каждый ~~день~~ вечер ложились с тем, чтобы на утро встретить казнь...

Радостно, любовно и весело встретили меня подруги, по возвращению из залы суда в тюрьму. Шутили, угощали, баловали меня... И только в последствии узнала я, чего стоила всем им эта наружная веселость. Еще до возвращения моего из суда, они, оказывается, узнали от надзирательницы о моем приговоре, и со многими из них тут же начались нервные припадки; остальные плакали и

убивались...

Но <u>меня</u> встретили все они уже совершенно спокойно и подготовившись...

Милые!.. Как я глубоко благодарна им... ...

<u>Вставки:</u>

1.Вероятно, они оказывали большое умственное влияние на моего отца; и я думаю, что под этим-то благотворным влиянием он и отдал меня в гимназию, так как вообще в деревне девочек очень редко отдают в ученье а просто готовят замуж.